Урожай ядовитых ягодок

Автор:
Дарья Донцова

Урожай ядовитых ягодок

Дарья Аркадьевна Донцова

Виола Тараканова. В мире преступных страстей #4

Жизнь бьет ключом, и все норовит попасть мне, Виоле Таракановой, по голове… Жаркой майской ночью я не могла заснуть и услышала, что под окном кого-то бьют. Спасла мужика – это оказался мой сосед Жора. Он попросил передать дискету его знакомой. Первый раз вышел облом, при попытке отдать дискету второй раз я едва не лишилась жизни. Что же за секретная информация на этой дискете? Три истории болезни. Как я их ни изучала, ничего общего не нашла, кроме того, что все трое умерли от разных болячек и в разных больницах. Но, видно, все-таки не зря ограбили Жоркину квартиру, а потом убили его жену. Сам сосед скрывается, но мне удалось выяснить, что он устроился в страховое агентство. Не копнуть ли там? Так, похоже, уже горячее…

Дарья Донцова

Урожай ядовитых ягодок

ГЛАВА 1

В квартире стояла звенящая тишина. Я валялась на диване и читала старый-престарый, невесть как попавший к нам «Космополитен». Наконец это занятие мне надоело, и рука щелкнула пультом. Вмиг черный экран стал голубым.

– Коробка шоколадных конфет «Россия»! Что может быть вкуснее? – понеслось из динамика.

Я тяжело вздохнула – попала на рекламный блок. Интересно, люди, которые придумывают все эти слоганы, призывы и броские фразы, сами их слушают? Что может быть вкуснее коробки шоколадных конфет? Вкуснее коробки могут быть конфеты. Нет, все-таки у людей начисто отсутствует здравый смысл. Вчера заглянула на рынок и, идя по ряду, где продается сантехника, увидела ценник «Унитаз сидячий на одну персону». Был позыв подойти к продавцу и спросить:

– Парень, а мне нужен стоячий, для двоих, где купить?

Но я подавила идиотское желание и отправилась за мясом. И вообще у рекламщиков мало фантазии. Взять хотя бы компанию «Кока-Кола», вечно предлагает одно и то же: откройте пробку и загляните в нее с «изнанки», а уж там… автомобили, поездки за рубеж, магнитофоны, самокаты. Впрочем, и другие производители делают то же самое.

Одно время люди в надежде на удачу кинулись скупать бутылки, я сама собрала штук сорок наклеек от йогурта, пока сообразила: мне постоянно попадается изображение заднего колеса от велосипеда, переднего не было ни разу. И вообще, если сложить все деньги, потраченные на йогурт, запросто можно самой купить велосипед.

Очевидно, эта простая истина пришла в голову не только мне, потому что наши знакомые перестали «покупаться» на рекламные акции. Но ведь та же «Кока-Кола», например, все продолжает заманивать нас призами. Нет бы создать что-нибудь новенькое, оригинальное. Вот мне вчера в голову пришла дельная мысль, я придумала неожиданный поворот в рекламной кампании. Как вам понравится такая идея: «Покупайте кока-колу, под каждой двадцатой пробкой водка». Гарантирую, что через день в Москве возникнет дефицит прохладительных напитков.

Я щелкнула пультом, телевизор погас. Часы показывали два часа ночи, все в доме спали, только на меня напала бессонница. Наверное, это из-за духоты. Май, дышать нечем, жарко, в воздухе висит бензиновый смог. Лучше всего сейчас на даче, и она у нас есть, близко от МКАД, можно спокойно ездить на работу. Но наша семья проводит время в городе. Причина легко объяснима. Моя подруга

Тамара ждет ребенка, и ее муж Семен категорически заявил:

– Нет уж, не дай бог начнутся роды, что будем делать на даче?

Томочка робко сказала:

– Но Сенечка, у Кристины на майские праздники будет нечто вроде каникул, как же она в городе?

– Ничего, – рявкнул всегда ласковый Сеня, – отправлю ее в дом отдыха.

– Не надо, – перепугалась Крися, – лучше дома, да и мне совсем не нравится на даче, тоска, никого знакомых…

– Нет, – упорствовала Тома, – ребенку лучше на воздухе, в случае чего вызовем «Скорую», позвоним тебе на мобильный!

Сеня посинел и железным тоном произнес:

– Я сказал в городе, значит, в городе.

Вот поэтому мы и сидим в раскаленной Москве, а не в прохладном Подмосковье. По расчетам врачей, Томуська должна была стать матерью третьего-четвертого мая, но сегодня пятое, вернее, уже шестое, но никаких признаков надвигающихся родов незаметно. Тамарочка весела, как пташка, бодро хлопочет у плиты и на все мои просьбы пойти полежать отмахивается со словами:

– Сейчас, сейчас, вот только суп сварю.

Но процесс строгания ингредиентов для вкусного супа занимает в нашей семье прорву времени, уж очень много народа живет в квартире: Томочка, ее муж Семен, Кристина, дочка Сени от первого брака, я и мой супруг Олег Куприн.

Наша квартира состоит из двух, и теоретически мы можем закрыть дверь, которая ведет из общей гостиной на нашу половину, и остаться с Олегом вдвоем. Но практически такого не делали ни разу. Я и Томочка провели вместе детство, юность и большую часть зрелых лет и теперь искренно считаем себя

сестрами, хотя кровного родства между нами нет. А остаться с моим супругом наедине невозможно по одной простой причине – его никогда нет дома. Олег работает в милиции, он следователь, и я не стану вам рассказывать, сколь тяжела ноша жены того, кто решил с корнем вырвать преступность в столице. Несмотря на, скажем так, зрелый возраст, Олег не растерял романтических настроений и абсолютно уверен, что «вор должен сидеть в тюрьме». Впрочем, насильник, грабитель, убийца и мошенник тоже.

– Есть же страны, – горячась, говорит муж, – в которых люди даже не запирают на ночь двери. Там не крадут машины, не грабят квартиры, не убивают на улицах. Очень хочу, чтобы Москва стала такой.

Я, услышав подобное высказывание, как правило, молчу.

Ехидный Семен однажды не утерпел и спросил:

– Ну-ка назови, что же это за страна такая всеобщего благоденствия, Эльдорадо, что ли?

– Почему? – возразил Олег. – Эмираты, к примеру.

Сеня захохотал.

– Да там, если чужой кошелек стырил, руку отрубают, ежели убил кого, на рыночной площади вешают. Сам видел, ездил пару лет назад отдыхать, вышел в город, мама родная! Виселица! Чуть не умер. Вот если у нас подобную ответственность введут, то и тюрьмы освободятся, и охотников разбойничать не станет.

Олег начал возмущенно спорить с приятелем, мой муж – противник смертной казни, и они, как всегда, переругались. Мы с Тамарой никогда не вмешиваемся в их разговоры, пусть дерутся без нас. Каким образом мы, такие разные, оказались вместе и зажили одной семьей, отдельная история. Рассказывала ее раньше и повторять не стану.[1 - См. книгу Дарьи Донцовой «Черт из табакерки», вышедшую в издательстве «Эксмо».]

Я распахнула окно и высунулась наружу. Воздух, словно пар в сауне, застыл в неподвижности. Было очень тихо, в соседнем доме горело только одно окно. Во дворе, естественно, никого не было, лишь у забора шевелилась какая-то масса. Очевидно, бродячие собаки, воспользовавшись тотальным отсутствием людей, решили справить бурную свадьбу. Но уже через секунду, приглядевшись, я поняла, что темные тени, беззвучно двигающиеся у гаражей, это не животные, а люди. Точнее, мужчины. Сгрудившись вместе, они сосредоточенно пинали что-то, типа большого мешка, ногами. На какую-то секунду человеческий клубок распался, и я сообразила, что они исступленно колотят ботинками распростертое на асфальте тело.

– Эй, – завопила я, – ну-ка, прекратите немедленно! Думаете, все спят, сейчас милицию вызову!

Услышав мой голос, грабители, а это скорей всего были маргиналы, решившие ограбить припозднившегося прохожего, словно стая испуганных грифов, шарахнулись в сторону и исчезли. На дороге остался лежать лишь несчастный избитый дядька.

– Вам плохо? – проорала я.

Ответа не последовало.

– Эй, вы живы?

И снова тишина. Небось бедолагу сильно покалечили, если он молчит и не шевелится. В «Скорую помощь» я дозвонилась с третьего раза, в милиции трубку сняли на сороковой звонок и весьма вяло отреагировали на сообщение о том, что на вверенном им участке отмечен факт безобразия. Лучше всего было бы заставить Олега общаться с коллегами, но он, как назло, укатил на два дня в Питер, в командировку.

Исполнив гражданский долг, я вновь высунулась в окно. Кажется, тело лежит в иной позе. Бедный мужчина, он ведь не знает, что я позвала на помощь, и пытается отползти с места происшествия. Схватив ключи, я ринулась вниз.

То, что человек скорей мертв, чем жив, стало ясно сразу. Он был весь в крови и никак не прореагировал, когда я присела возле него на корточки. Лицо его,

покрытое ссадинами, страшное, какое-то раздувшееся, показалось мне отчего-то знакомым.

– Вы не волнуйтесь, – нарочито бодрым голосом произнесла я, – сейчас приедет врач и вас живо вылечит. Скорей всего, ерундовое дело. Ну пара синяков вскочит!

Мужчина молчал. Я сначала перепугалась, решив, что он умер, но потом увидела, что грудь несчастного медленно опускается и подымается. Значит, дышит.

– Лежите спокойно, – продолжила я идиотские речи, – сейчас людей с того света вытаскивают, по кусочкам собирают, не волнуйтесь! На дворе май, но очень жарко, вам не грозит простудиться. Вот если бы вас отдубасили в декабре, тогда да, страшно валяться на асфальте.

Внезапно избитый приоткрыл глаза.

– Вот видите, – воодушевилась я, – вам уже лучше!

Мужчина с трудом разлепил губы:

– Вилка… Ты… Откуда…

Я так и подскочила на месте. Родители дали мне дурацкое имя Виола, что в сочетании с фамилией Тараканова звучит, ну согласитесь, не слишком привлекательно. Все знакомые рано или поздно начинают звать меня просто Вилка. Значит, я знаю этого несчастного, но откуда?

– Вилка, – хрипел мужик, задыхаясь, – влезь мне в карман.

Я сунула руку в его брюки.

– Нет, – сипел несчастный, – расстегни ремень, с внутренней стороны, внизу, почти на брючине, справа, потайной кармашек на молнии.

Я покорно выполнила его просьбу и на самом деле обнаружила нечто плоское, оказавшееся при более детальном рассмотрении самой обычной дискетой, только не черного, а красного цвета.

– Отнеси, – с видимым трудом бормотал избитый, – только Ритке не говори, умоляю…

– Куда нести? – я решила поддержать разговор, недоумевая, кто такая Рита.

– Завтра, в три часа дня, возле памятника Пушкину на Тверской, женщина придет, Лариса…

– И как я ее узнаю?

– Возьмешь в правую руку новый номер журнала «Отдохни», встанешь справа от монумента и жди, она сама подойдет, только никому ни слова, особенно Ритке.

– Ладно.

– Нет, поклянись.

Я не очень люблю произносить торжественные обещания, в самую драматическую минуту меня начинает разбирать смех. Из-за этого меня в третьем классе не приняли в пионеры. Когда на сцену, где стояла шеренга детей, одетых по случаю праздника в белые рубашечки и блузочки, влез ветеран и козлиным голосом заблеял о том, как мы должны быть благодарны партии и правительству за счастливое детство, я начала хихикать. Сколько ни щипала меня Томуська за ногу, сколько ни шипела: «Немедленно прекрати», – не помогло.

В результате красные галстуки получили все, кроме меня, и мачеха Раиса была вызвана к директору. Назад она вернулась потная, слегка пьяноватая, швырнула на стол пакетик карамелек и сказала:

– Ешь, Вилка, забудь про ихнюю обиду. Ишь, чего удумали, за хорошее настроение ребенка наказать, уроды! Я так и сказала твоему директору: «Что ж она, когда галстук повязывают, рыдать должна?»

– А он? – замирая, поинтересовалась я.

Директор казался таким всемогущим, всесильным. Раиса вытащила из сумки шкалик, плеснула в стакан, ловко опрокинула содержимое в рот и с чувством произнесла:

– Хватает, зараза, прямо горло обожгло. А он заявил, что сообщит по моему месту работы о том, что я не умею воспитывать ребенка в духе социалистических идеалов.

– А ты?

– А я, – хмыкнула Раиса и снова наполнила стакан, – а я ответила, звони куда хочешь, хрен моржовый, на мое место никто не зарится. Мало охотников-то с тряпкой по подъездам бегать да лестницы тереть. А девочку мою более не трожь, не то я тоже найду куда пойти и сказать, что ты моево ребенка обучить как следовает не смог! Какой с меня спрос? Три класса всего и закончила, ничего не знаю, это вы ее до ума довести взялися. Так-то!

Я сидела с раскрытым ртом, восхищаясь мачехой. Та спокойно допила бутылку, плохо слушающимися руками вытащила из сумки красный галстук, мятый, словно его жевала корова, и заплетающимся языком произнесла:

– Накось, завтрева повяжи на шею и ступай спокойно в школу, пионерка ты теперича, выросла совсем.

Затем она пошатнулась и рухнула на диван. Я притащила подушки, подсунула их под голову Раисы и накинула на оглушительно храпящую бабу одеяло. Мне частенько доставались от мачехи тычки и затрещины, но она меня любила.

Гадкую привычку смеяться во время самых торжественных церемоний я искоренить не сумела. Последний раз идиотски хихикала в тот момент, когда Олег старательно натягивал мне на палец обручальное кольцо. Поэтому сейчас, сидя на корточках возле лежащего в луже крови мужика, мне совсем не хотелось произносить какие-нибудь клятвы. Но несчастный очень нервничал и настаивал:

– Поклянись! Ну, Вилка!

– Чтоб мне сдохнуть, – осторожно произнесла я.

– Не говори Ритке, это она…

– Никогда, – спокойно пообещала я, совершенно не зная, кто он и кто такая Рита.

– Вообще никому, – затухающим голосом бормотал бедняга, – ментам ни-ни, отнеси, Вилка, Христом-богом прошу, иначе мне плохо будет!

На мой взгляд, ему уже было достаточно нехорошо, просто хуже некуда.

– Отнеси…

– Хорошо, хорошо, не переживай.

– Не забудь…

– Все будет в порядке.

– Ритке…

– Ничего не скажу, пусть она меня режет!

– Менты… Ментам не надо…

– Ни за что, – соглашалась я.

Несчастный закрыл глаза и захрипел.

– Эй, эй, – испугалась я, – погоди, поговори еще!

Но парню стало совсем невмоготу, и тут разом прибыли «Скорая помощь» и милиция. Избитого, чуть живого несчастного увезли в больницу. Один из ребяток

в форме начал опрос свидетельницы, то бишь меня. Сержант, поминутно зевая, записал мои паспортные данные, потом молча выслушал рассказ о подсмотренной драке и без всякого энтузиазма спросил:

– Значит, личности потерпевшего не знаете?

– Нет.

– Ага, – кивнул парень, потом вытащил бордовую книжечку и сообщил: – А ведь он с вами в одном доме прописан.

Я слегка удивилась, в башне, правда, много квартир, но лица соседей примелькались.

– Радько Георгий Андреевич, – продолжил тем временем сержант, – женат на Маргарите Сергеевне…

– Жора! – закричала я.

– Так вы знаете потерпевшего?

– Конечно, очень хорошо, его квартира над нами. И с ним знакома, и с Ритой…

– Ага, а говорили, что никогда не встречались.

– Я не поняла, что это он, лицо сильно изуродовано, то-то он меня по имени позвал…

– И что сказал? – быстро отреагировал парень.

Я прикусила язык и пожала плечами.

– Ничего особенного, просто шептал: «Вилка, Вилка». Меня так друзья зовут. Вот оно как, он меня узнал, а я его нет.

– Ну у вас-то на лице никаких изменений не случилось, – резонно заметил паренек и зевнул вновь. Ему явно хотелось спать, и не было совершенно никакого желания вешать на родное отделение очередной «висяк». А дело об избиении человека, да еще ночью, бомжами мигом попадает в разряд нераскрываемых и портит всю статистику. На пухлогубом лице сержанта явственно читался не высказанный вслух упрек. Ну какого черта эта тетка не спит по ночам, а смотрит в окно? Подрались мужики спокойно и разошлись, ан нет, теперь придется начинать следствие, а все из-за глупой бабы, на которую некстати напала бессонница.

– Вы, гражданка, – сурово велел юноша, – ступайте себе спокойно по месту прописки. Вам позвонят, когда надо будет!

Бело-синий «газик», дребезжа всеми внутренностями и одышливо кашляя, поехал в сторону проспекта. Я побрела домой. Бедный Жорка, за что его так? Неужели из-за этой дискеты? Интересно, какая на ней содержится информация? Отчего Жора нес ее не в сумке, а в потайном, хитро расположенном кармане? Я доехала до своей квартиры, потом, подумав секунду, поднялась на этаж выше. Надо сказать Ритке, что Жора отправлен в больницу.

ГЛАВА 2

Не успела я нажать на звонок, как дверь распахнулась, и мне в лицо выплеснулась холодная жидкость. От неожиданности я чуть не упала, но потом, встряхнувшись, словно собака после дождя, сказала:

– Ты чего, Ритка, белены объелась?

Соседка поставила на пол ведро и запричитала:

– Ой, Вилка, прости бога ради, думала мой кобель домой вернулся, чтоб ему ни дна, ни покрышки, гад ползучий, все по бабам шляется.

Вставить хотя бы слово в поток, который выливался изо рта Ритки, было невозможно, и пришлось дать ей возможность выпустить первый пар.

– Вечно брешет, что у него клиенты, – тарахтела Рита, – утром дрыхнет до полудня, потом, как старая бабка, телик глядит, а после четырех подхватится и уносится. А домой, спасибо, если к трем ночи придет. Ну какие такие клиенты?

– Действительно, – вклинилась я в ее речь, воспользовавшись тем, что Ритка на секунду остановилась, чтобы набрать полную грудь воздуха для нового раунда, – и в самом деле, при чем тут какие-то клиенты, он же у тебя в архиве работает!

– О господи, – всплеснула руками Рита, – да его хранилище сотрудникам по двести пятьдесят рублей в месяц платит! А в последнее время и вовсе всех по домам распустили. Директор им сказал: «Сидите, ребята, до лучших времен в неоплачиваемом отпуске. Авось через какое-то время жизнь наладится». Ну народ и побежал в разные стороны, кто куда мог. У всех семьи, дети. Вон Иван Сергеевич на рынке встал, дрянью торгует, Ольга Михалева в школу учительницей пристроилась, Женя Зинченко с газетами у метро топчется. Все выжить хотят, один мой губы кривил: «Извини, Рита, но я кандидат наук, из архива уйти не могу, кто-то же должен думать не о своем животе, а о потомках! Историю следует сохранить!»

Ритка на секунду остановилась, я попыталась было сообщить ей неприятную новость:

– Тут такое дело…

Но соседка, очевидно, слишком долго копила в себе информацию о ленивом супруге, потому что понеслась дальше, не обращая на меня никакого внимания:

– История! Уржаться можно! Кушать-то сейчас хочется! Вон, я Катьку к родителям отправила! Виданное ли дело, сидим на шее у двух пенсионеров! Уж я Жорку грызла, грызла и догрызла. Нашел он работу. Из архива увольняться не стал, трудовая там лежит. Это и правильно, а сам пошел в страховую компанию, агентом на проценте. Кстати, тебе не надо чего застраховать? Квартиру, машину… Или жизнь? Знаешь, выгодные условия: если помрешь от предусмотренного случая, Тамарка хорошие деньги получит, и на похороны хватит, и на поминки останется…

Я обозлилась и перестала деликатно ждать, пока соседка заткнется сама по себе.

– Твоего мужа только что увезли на «Скорой» в Склифосовского.

Рита попятилась.

– Почему?

– Избили его во дворе, у гаражей, бомжи.

– Ой, мамочка, – заметалась по коридору Рита, – делать, делать-то что? Как туда добраться?

Я попыталась ее успокоить:

– Утром поедешь, сейчас небось там двери закрыты, никто тебя не пустит.

– Господи, – запричитала Рита, – ну за что мне одни несчастья? Сначала у Катьки в аквариуме все рыбки передохли, а теперь Жорка в больнице!

На мой взгляд, два этих события были совершенно несопоставимы, но Ритка принялась рыться в сумке, безостановочно ноя:

– Господи, бедные рыбки, а ведь я хорошо за ними ухаживала.

Через пару минут она сказала:

– Слышь, Вилка, дай рублей пятьсот до двадцатого.

Я тяжело вздохнула. За последний месяц Рита уже три раза прибегала ко мне с подобной просьбой, правда, брала маленькие суммы, не больше сотни, но она их не вернула. Видя мои колебания, Ритка со слезой в голосе заявила:

– Сама знаешь, врачам сунуть надо, иначе в коридоре бросят и ни за что не подойдут!

– Ладно, – вздохнула я, – пошли к нам.

В холле ярко горели все шесть рожков у люстры. Я удивилась, уходила тихо, чтобы не разбудить домашних, и не зажигала света. Но тут из коридора вывернула бледная Томуська с ворохом постельного белья в руках.

– Что случилось? – насторожилась я.

Подруга смущенно заулыбалась.

– Ты не спишь? Чего так?

– Рита денег в долг просит, – я решила не рассказывать Томочке всю правду, незачем ей знать пока про то, как избили Жорку, – пятьсот рублей.

Тамара, совершенно не удивившись тому, что соседка заявилась с подобной просьбой в три утра, быстро сказала:

– Сейчас принесу, только простыни в бачок суну.

– Ты меняешь белье посреди ночи?

Томуся замялась, потом рассмеялась:

– Знаешь, у беременных вечная беда с туалетом, каждые пять минут туда хочется… Ну… Цирк прямо, только не смейся, в общем, я проснулась, а подо мной лужа. Хорошо хоть Семен в кабинете пока спит!

– Со всяким случиться может, – философски заметила я.

– Это у тебя роды начались, – заявила Ритка, – воды отошли, у меня с Катькой так было!

– Но у меня ничего не болит, – залепетала Тамарочка.

– Потом заболит, – пообещала Рита, – не волнуйся, так прихватит, что взвоешь!

– Прекрати, – поморщилась я и пошла будить Сеню.

Вынутый из кровати Семен минут пять не мог сообразить, что происходит, потом заметался по комнате с воплем:

– Господи, вот ужас-то! Ужас! Страх божий!

Глядя на потного, всклокоченного мужика, натягивающего на себя сарафан Томуськи, можно было подумать, что рожать придется ему.

– Господи, – причитал Сеня, путаясь в лямках, – что с моей рубашкой? Кому пришло в голову ее изрезать?

– Успокойся, – велела я, – это платье Тамары, если ты наденешь его, то в приемном покое роддома вызовут перевозку для психов.

– Нам ехать, да?

– Естественно, если не хочешь принимать роды сам.

– Нет!!! – завопил Сеня и ринулся в холл. – Где ключи от машины?

Тамарочка по-прежнему в халате стояла у вешалки.

– Ты почему по сих пор не оделась? – налетела я на нее.

– Так не болит ничего, может, рано?

– Иди собирайся.

– Где ключи? – кричал Сеня и расшвыривал в разные стороны обувь. – Где? Вчера вот тут положил!

– А ботинки? – ехидно осведомилась Рита.

Будущий отец на секунду замер, потом вполне нормальным голосом ответил:

– Нет, повесил на крючок.

– Там и возьми!

– Но их нет…

Ритка пожала плечами. В этот момент Тамара тихо охнула.

– Что? – подскочил к ней Сеня. – Что?

– Не знаю, словно рука внутри схватила, подержала и отпустила.

– Схватки начинаются, – хладнокровным голосом специалиста пояснила Рита, – сначала коротенькие, а потом как понесутся! Криком изойдешь! Еще хорошо, если ребенок нормально лежит, а бывает ягодицами идет или того хуже – поперек устроился! Со мной вместе тетка в родильной лежала, ну никак у нее не получалось! Пришлось докторам мужа звать и спрашивать: «Вы кого хотите живого – жену или младенца?» Ну он, конечно, бабу выбрал. Вот медики и выковыривали из нее плод по частям.

Тома опустилась на стул и уставилась на Риту.

Мои ладони непроизвольно начали сжиматься в кулаки, сейчас тресну противную госпожу Радько по носу… Сеня сильно побледнел и звенящим голосом поинтересовался:

– Как это, по частям?

– Сначала одну ногу, потом другую, потом кусок спины, – как ни в чем не бывало вещала Ритка, – ну разрезали внутри матери, словно цыпленка разделали. Жуткое дело! Вот если с Томуськой такая ситуация приключится и у тебя доктор спросит, ты кого выберешь? Ее или ребенка?

На секунду в холле повисла тишина, потом Семен издал странный, всхлипывающий звук и упал на пол.

– Сеня! – крикнула жена и ринулась к мужу. – Вилка, скорей валокордин, воды!

Мы начали шлепать Семена по щекам, водить по его лицу кубиком льда, вынутым из морозильника, но не добились никакого результата.

– Эх, мужики, – вздохнула Ритка, – нежные, словно цветы. Мой такой же! Как бы Сеню паралич не разбил, со страху случается. Со мной тетка работала, так у нее супружник ночью пошел в туалет и наступил коту на хвост. Тот, ясное дело, взвыл дуриной. Парень спросонок не разобрал что к чему и с перепугу в обморок свалился. Вот так же на пол упал, никак в себя прийти не мог. Десятый год в постели гниет, бревном валяется, только глазами ворочает.

Я ринулась к телефону и набрала «03». Гудки мерно влетали в ухо. Ту-ту-ту-ту… Обалдеть можно, чем они там занимаются?

– «Скорая», двадцать вторая, слушаю.

– Мужчине плохо.

– Возраст?

– Сорок восемь лет.

– Пил?

– Нет, что вы.

– На пьяном вызове бригада работать не станет, могу дать телефон наркологической помощи, платной.

– Семен не употребляет.

– Что случилось?

– Он в обморок упал.

– Что пил?

– Вас заклинило? – заорала я. – Говорю же, непьющий.

– Все так начинают, а врач приедет – больной на кровати весь в блевотине валяется.

– С сердцем у него плохо!

– Чем болеет?

– Здоров совсем.

– Отчего решили про сердце?

– Жена у него рожать начала, а он без чувств упал.

– Ну и что? – равнодушно заметила диспетчер. – Зачем такому «Скорая»? Нашатырь понюхать дайте, по щекам поколотите, водой побрызгайте, он и очнется. Вот народ, как бесплатная помощь, так прям изнасилуют по ерунде. Небось за деньги бы не стали дергать. Да пока я тут с вами время теряю, кто-то и впрямь загнется!

Я не успела ничего сказать, потому что «ученица Гиппократа» отсоединилась. Пришлось, кипя от негодования, вновь тыкать пальцем в кнопки. На этот раз отозвались сразу.

– Пятнадцатая, что у вас случилось?

– Мужчина, сорок восемь лет, упал в обморок.

– Сколько выпил?

Поняв, что сейчас опять состоится бесплодный диалог, я попросила:

– Дайте телефон платной помощи.

Через минуту мне в ухо зажурчал милый голосок.

– «Врачи для вас», рады помочь.

Наученная горьким опытом, я рявкнула:

– Мужчина, совершенно трезвый, словно буддистский монах, упал в обморок.

– Пожалуйста, адрес. Вы наши расценки знаете? Тысяча рублей в час, время в пути включается в счет.

– Скорее, умоляю.

– Ждите, уже едут.

Я швырнула трубку и повернулась к Семену. Он лежал по-прежнему с закрытыми глазами. Томуська сидела на диване, синяя, с трясущимися губами.

– Так больно? – кинулась я к ней.

– Терпеть можно, – пробормотала она, – ерунда, главное, чтобы Сене помогли.

– Ты не сиди, – заявила Ритка, – ляг.

– Почему? – спросила подруга. – Мне так удобно.

– Ребенку шею сломаешь, – пояснила соседка, – со мной вместе баба рожала, села в потугах – и все, каюк, позвонки младенцу сместила.

Тамара послушно легла. Я вытащила из секретера пятьсот рублей и сунула Рите.

– Забирай и уходи, не до тебя сейчас!

– Нет, останусь, – не дрогнула противная баба, – может, помочь чем потребуется.

– Тут не цирк, – гаркнула я, – получила свое и утопывай!

Рита открыла рот, но тут раздался звонок, и появилась бригада врачей, удививших меня до колик.

Во-первых, они вытащили одноразовые бахилы и нацепили их на ботинки, а во-вторых, пошли мыть руки. Да и специалисты оказались хорошие, привели Сеню в чувство, сняли кардиограмму, сделали кучу уколов.

– Теперь ему поспать надо, – заметил один эскулап, – часика три-четыре, спокойненько, со вкусом, и забудет о неприятности. Не переживайте, сейчас погода быстро меняется, случаются у людей сосудистые реакции!

– Со мной баба работала, – мигом сообщила Ритка, – умерла во время грозы, давление упало, и каюк! Вон чего погода наделать может. Сенька-то у вас толстый, шея короткая, первый кандидат на инсульт!

Доктора уставились на Риту. Сеня зевнул.

– А он машину вести сможет? – поинтересовалась я.

– Вряд ли, – ответил более пожилой, – спать ему надо, незачем никуда ехать. Позвоните на работу, объясните ситуацию.

– Да он должен Тамару отвезти! Прямо сейчас!

– Вызовете такси, ей куда, на вокзал?

– Она рожает.

– Где? – оторопел врач. – Кто?

– Томуся, жена Сени, вон на диване лежит.

Доктор повернул голову, заметил серую, прикусившую нижнюю губу Тамару и воскликнул:

– Ничего себе? Почему молчите?

– А зачем кричать, – прошептала подруга, – только Сеню опять перепугаю.

– Ну-ка, – забормотал терапевт, осматривая Томусю, – я, конечно, не гинеколог, но можем не успеть довезти.

– Вот, – удовлетворенно отметила Рита, – говорила же! Сейчас помрет, прямо чует сердце. Бабы в родах чисто мухами падают. Пока я рожала, трое окочурились.

Сеня, только что довольно бодро сидевший в кресле, вновь закатил глаза и сполз на пол. Врачи растерянно переглянулись и кинулись к нему.

– Ого, – отметила Рита, – точно, инсульт, вон у него какое лицо красное.

– Не пошла бы ты на…, – рявкнул фельдшер, ломая ампулу.

Я с благодарностью посмотрела на него. Может, Ритулька обидится и уйдет? Куда там, соседка, напрочь забыв о своем избитом супруге, поудобней устроилась в кресле, наблюдая за происходящим с громадным интересом, если не сказать с восторгом.

– Вилка, – прошептала Тамара, – мне что-то там мешает.

Доктор, бросив Сеню, подскочил к роженице и сообщил:

– Так, головка показалась. Быстро сюда простыни, желательно прогладить с двух сторон, горячую воду…

Я заметалась по квартире, натыкаясь на мебель. Сеня, пришедший в себя, вжался в угол кресла и спросил:

– Может, вы ее отвезете в роддом, я заплачу.

– Поздно, – ответил доктор, – рожаем тут.

– Томулечка, – забормотал муж, – потерпи чуть-чуть, ну погоди, сейчас в больницу отправят. Чего тебе стоит еще немножечко погодить!

Внезапно Тамара издала легкий крик.

– Ты тужься, – велел доктор, – давай со мной вместе на счет «три», ну, раз, два…

– Во, ща вся порвется, – пообещала Рита. – Меня после родов два часа шили, а уж как больно!

Сеня вновь сполз на ковер, но на него уже никто не обратил внимания.

Около девяти утра Томусю и новорожденного мальчика отправили в роддом. Еле живой Сеня, оглядев ворох окровавленных простыней, шатаясь, пошел в спальню.

– Эх, пропал диван, – резюмировала Ритка, – никакая химчистка не возьмет, придется новый покупать!

– Ты, часом, не забыла про Жору? – злобно спросила я. – Небось мается мужик на каталке в коридоре, ждет, когда его женушка явится.

– Надо было мне в «Скорую помощь» сесть, – всплеснула руками Рита, – вот не додумалась. Меня бы до Склифака добросили, все не пехом переть.

– Тамару повезли в НИИ акушерства и гинекологии, – пояснила я, – совсем не по дороге.

– Ерунда, – отмахнулась Ритка, – сделали бы крючочек небольшой, чего им? Ну ладно, пойду, пока!

Я только кивнула, разговаривать с наглой эгоисткой не хотелось. Рита шумно дотопала до двери, потом повернулась и попросила:

– Вилка, дай мне еще двадцатку, куплю билет на метро, на пять поездок, неохота пятисотенную из-за такой ерунды менять!

Я вытащила из кошелька еще две бумажки. Похоже, от Ритки иначе не избавиться.

ГЛАВА 3

Без пяти три я, ощущая себя Матой Хари, встала возле памятника, сжимая в руке журнал «Лиза». Мимо текла галдящая толпа. Основная масса молодых женщин шла в коротком, прозрачном и невесомом. Дамы постарше рискнули нацепить бриджи и капри, даже старушки скинули вязаные кофты и влезли в босоножки. Более консервативные представители мужского пола не решились поголовно облачиться в шорты, но все же отказались от пиджаков и теплых ботинок. Почти у каждого второго в руках была бутылка с водой или газета, используемая вместо веера. Воздуха словно не было, над дорогой плыло сизое марево. Я продолжала стоять на солнцепеке. По своей привычке я явилась раньше времени, а эта Лариса небось опоздает, жди ее на жуткой жаре! В десять минут четвертого я принялась расхаживать вдоль памятника, выставив перед собой журнал, но никто не спешил ко мне со словами:

– Ну, где моя дискета?

Я полезла в сумочку, вытащила банку пепси, глотнула противную теплую жидкость и с тоской уставилась на бегущих мимо прохожих. Бывают такие женщины, которые везде и всегда опаздывают, похоже, Лариса из их числа.

Ровно в четыре я отошла от монумента и двинулась в сторону метро «Тверская». В конце концов, я сделала что могла и больше жариться на солнце не стану. Отдам Жорке дискету, когда его выпишут из больницы, и дело с концом.

Злая, потная и усталая, я добралась до дома и обнаружила, что нам отключили электричество. Бывают такие дни, когда все идет наперекосяк! Пришлось шагать по лестнице, огибая на каждом этаже железную трубу мусоропровода. На третьем меня чуть не стошнило, кто-то бросил возле ковша пустую банку из-под селедки, и аромат стоял соответственный.

Зажав пальцами нос, я вскарабкалась на четвертый и вздохнула. Слава богу, тут пахло хорошим мужским одеколоном. Через секунду я поняла от кого. Сверху спускались два парня, одетые в легкие светло-бежевые тренировочные костюмы. Один поднял глаза, и отчего-то по моей спине пробежала дрожь. У симпатичного юноши с правильным, слегка капризным лицом был взгляд, как у тухлой рыбы, погасший, невообразимо противный. На всякий случай я прижалась к перилам. Парни легко пробежали мимо, обдав меня запахом хорошего одеколона и сигарет. Я потащилась дальше, недоумевая, отчего так перепугалась. Ребята были аккуратно одеты, трезвы и выглядели вполне респектабельно, очевидно, африканская жара повлияла на мой ум.

Дома я быстренько сбегала в душ, а потом плюхнулась на диван. Следовало отдохнуть. Бессонная ночь давала о себе знать, глаза начали слипаться. Я повернулась на левый бок и ощутила, как мягкие лапки начали топтаться на одеяле. Наши кошки, стоит кому улечься вздремнуть, мигом торопятся к этому человеку, чтобы прижаться и заурчать. В полной тишине было слышно, как в кухне капает вода из крана.

«Надо сменить прокладку», – вяло подумала я и отбыла в царство Морфея.

Резкий звонок будильника сдернул меня с подушки. Я села и уставилась на циферблат: восемь, кошмар, забыла вовремя разбудить Олега. Он встает в семь. Представляю, как муж начнет ругаться! Но уже через секунду до меня дошло: Олег в Петербурге, он приедет только завтра, и сейчас не утро, а вечер, да и звон исходит не от будильника, а от входной двери. Наверное, Семен забыл дома ключи.

Я влезла в тапки и не торопясь пошла в холл. Звонок разрывался.

– Чего ты так торопишься, – недовольно пробормотала я, открывая замок.

Но на пороге возник не Сеня, в проеме двери замаячила Ритка.

– Денег больше нет, и не проси!

– Вилка…

– Говорю же, все кончились!

– Вилка…

– Как Жорка? – Я решила переменить тему разговора.

Но Ритка отмахнулась:

– Ты послушай, что случилось!

– Входи, – вздохнула я.

– Нет, лучше ты ко мне.

– Зачем?

– Поднимись, слов нет!

Недоумевая, что еще могло стрястись у Риты, а главное, что могло лишить ее дара речи, я пошла наверх. Радько живут в трехкомнатной квартире. Семен, когда мы переехали в этот дом, приобрел две жилплощади, поэтому Риткины хоромы расположены над нашей гостиной, кабинетом и спальней Сени и Томуси. Из «лишней» кухни мы сделали гардеробную, избавившись от громоздких шкафов и нависающих над головой антресолей.

Ритка, несмотря на крайний эгоизм и глупость, отличная хозяйка. Сколько раз ни забегала к ней, всегда обнаруживала полный порядок и некую кокетливость. На кухне у нее вместо тряпок хорошенькие полотенчики, а на столе – не клеенка, а накрахмаленная скатерть. Но сегодня перед глазами предстала иная картина.

От красоты не осталось и следа. Вещи из шкафов, разорванные на части, валялись тут и там разноцветными кучками. В кухне неизвестные вандалы

вспороли все пакеты с крупой, и теперь рис, гречка, пшено и геркулес лежали вперемешку на кухонных столиках, словно поджидая Золушку, которая вместо поездки на бал начнет перебирать запасы. Впрочем, банки с вареньем оказались разбиты, сахар высыпан в раковину. Хулиганы расковыряли батон хлеба, разломали на куски творожную запеканку. В ванной гель и шампунь были вылиты в раковину, сверху дрожали острова из пенок для укладки волос и крема для бритья, резко пахло разлитыми духами, а на полу, словно снег, лежал стиральный порошок. Странно, что спальню не тронули, может, не успели?

– Вот, – всхлипнула Ритка, – нас обокрали!

– Что взяли? – отмерла я, когда прошел первый шок. – И когда же это случилось?

Рита заплакала.

– Разве в таком бардаке разберешься? Вот гады, нет бы стырить что хочется и уйти нормально. Ну зачем же остальное ломать? Чем им мое варенье не понравилось?

– Некоторые люди кладут ценности в пакет и засовывают в припасы. Олег рассказывал, что теперь домушники первым делом лезут в морозильники и кухонные шкафчики. Раньше народ дорогие вещи в белье засовывал, а теперь в продукты.

Ритка продолжала всхлипывать.

– Делать что?

– Убирать. Надо выяснить, что пропало.

– Бедная я, бедная, – застонала Ритуся, – ну за что мне такая беда? Это же неделю разбираться!

– Сначала в милицию позвони!

Рита принялась покорно нажимать на кнопки, но в отделении было все время занято. Милиция находится в соседнем доме, буквально в пяти шагах, и я

предложила:

– Лучше сбегай, быстрей получится!

Рита пробурчала:

– Мне краситься надо, вон вся тушь стекла, может, ты сходишь?

Но я проявила твердость:

– Кого обокрали? У меня заявление не примут, давай, ступай живей, можешь не макияжиться, не на конкурс красоты идешь. А я пока крупу хоть замету.

Рита ушла. Я принялась собирать пшено, гречку и рис. Внезапно зазвонил телефон. Трубки не было видно. Впрочем, в таком бардаке неудивительно потерять все. Раздался щелчок и голос Жоры:

– Привет, вы позвонили в квартиру Радько, сейчас никто не может подойти, оставьте сообщение после звукового сигнала.

Повисла пауза, потом раздалось резкое пиканье и чужая, какая-то сдавленная речь:

– Кинуть решил? Не пришел к Лариске? Ну это ты зря. Имей в виду, будет хуже, сам виноват. Верни дискету, срок до завтра. Если в полдень ее у меня не будет, лучше бы тебе не родиться. Квартиру-то отмой.

Я выронила совок, на который старательно заметала рассыпанное, и бросилась к автоответчику. Надо немедленно вытащить из него кассету и срочно ехать к Жоре в Склифосовского. Парень заставил меня поклясться, что я ничего не расскажу Рите, не хочется его подводить, но он должен знать про угрозу. Где-то тут находится кнопочка, нажмешь на нее – и выскакивает крохотная кассета, во всяком случае, у нас это так происходит. Сверху на аппарате виднелись две клавиши. Я ткнула в правую. В автоответчике зашуршало, затем раздалось бесстрастное:

– Память свободна.

От злости я чуть не шваркнула идиотский телефон об пол. Надо же, стерла сообщение.

Сразу уйти мне не удалось. Пришлось дожидаться Риту, а потом выкручиваться из ее цепких пальцев.

– Ага, обещала помочь, а сама! – зудела соседка.

– Вечером приду.

– Так уже полдевятого.

– Значит, завтра.

– Вот, вечно так! Мне тут одной ковыряться, да еще с ментами разговаривать! Сейчас приедут. Между прочим, спина болит, прямо отваливается!

Последние слова Ритка произнесла с глубокой обидой в голосе. Я хотела было напомнить ей, что мы не такие уж близкие подруги, чтобы предъявлять мне претензии, но неожиданно сказала другое:

– Ты попроси Нинку из двенадцатой квартиры, она у людей полы моет, поможет тебе, уберет хоромы.

– Ага, так ей денег дать надо! Небось пятьдесят рублей возьмет. Видишь, какая ты! Откуда у меня такие средства! Думала, ты поможешь. Ну куда бежишь? Ночь на дворе. Кстати, где твой Олег?

Я молча вытащила из кошелька голубую бумажку и протянула противной бабе.

– На, в качестве спонсорской помощи.

– А сотни не будет?

– Нет, только пятьдесят, не хочешь – не бери.

– Давай, – резко ответила Ритка и вырвала у меня из пальцев купюру, – мало, конечно, да ладно.

К Институту Склифосовского я добралась около десяти вечера. Естественно, центральный вход был закрыт. На звонок выглянул секьюрити, окинул меня холодным взглядом и отрезал:

– Куда рвешься? Больные спят, посещения закончились.

– Пустите, пожалуйста, только с работы еду.

– Не положено.

Наверное, следовало сунуть ему рублей сто, но Ритка основательно опустошила мой кошелек, поэтому я решила проникнуть внутрь бесплатно.

– Сделайте одолжение…

– Идите домой.

Я еще поныла несколько минут, но охранник был спокоен, как удав, и неприступен, словно иная галактика.

– Сказано – нет, значит, нет.

Внезапно дверь распахнулась, с улицы вбежала пара. Молодой мужчина и женщина лет сорока, они что-то показали дежурному, и тот не стал их останавливать.

– Ага, вон этих пустил…

– У этих пропуск на посещение в любое время.

– Где такой берут, я тоже хочу.

Охранник вздохнул.

– Дура ты, не дай бог эту бумажку от врача получить.

– Почему?

– Сама подумай, в каком случае ночью в больницу пускают!

Вымолвив последнюю фразу, он буквально вытолкал меня на улицу. Я спустилась по ступенькам и стала огибать большое здание. Сам дурак. Любая больница, кроме, пожалуй, косметической лечебницы, не бывает никогда закрыта полностью, а уж Институт Склифосовского тем более. Как, скажите на милость, сюда попадают больные, а? Правильно, через приемное отделение. Вот там и дверь открыта, и народа полно.

Возле пандуса, по которому въезжали машины с красным крестом, и впрямь оказался незапертый подъезд. Правда, у двери стоял охранник, тоже бдительно поинтересовавшийся:

– Вы куда?

Я сделала тревожное лицо:

– Маму сюда привезла только что, а я полис в машине забыла, вот, бегала за документом.

Охранник потерял ко мне всякий интерес, и я спокойно прошла внутрь.

По обе стороны длинного коридора шли двери, тут и там сидели и лежали люди, их было довольно много, никто не остановил меня, когда я вошла в большой грузовой лифт, куда только что втолкнули каталку с несчастным парнем со свежим гипсом на ноге.

В отделении стояла тишина. Больных не было видно, на посту тосковала медсестра, читавшая журнал.

– Подскажите, Радько в какой палате?

– Посещения закончены.

Я оперлась на высокий прилавок и вздохнула.

– Послушай, будь другом, ну пусти. Днем к нему жена ходит, сидит тут безвылазно, мне без шансов попасть, еще морду набьет, коли встретимся.

Женщина улыбнулась.

– Так и быть. Иди по коридору, справа последняя дверь. Там твой Радько лежит.

Я побежала в указанном направлении и постучала в белую дверь.

– Войдите, – раздался мужской голос.

В довольно просторной палате оказалось четыре кровати. На двух, накрывшись с головой одеялами, лежали спящие. Третий обитатель с загипсованной ногой, покоящейся на подставке, смотрел телевизор. Постель у окна была пуста.

– Вы к кому? – спросил дядька, отрываясь от экрана.

– Радько Георгий тут лежит?

– Вон его койка.

– Так она пустая.

– А к нему приятели пришли.

– Кто? – удивилась я.

Загипсованный зевнул.

– А я чего, прокурор, чтобы фамилиями интересоваться?

– Куда отправились, не знаете?

– Здеся далеко не уйдешь. Напротив палаты дверь, за ней лестница, курят небось.

Я вышла, пересекла коридор, толкнула дверь и увидела ступеньки. Сначала поднялась наверх, потом спустилась вниз, затем вновь вернулась на прежнее место. Больные и впрямь приспособили лестницу под курительную. На подоконниках виднелись консервные банки с окурками, кое-где обнаружились обгорелые спички. Впрочем, между третьим и вторым этажом нашлась парочка, занятая поцелуями. Но ни Жоры, ни его приятелей не было видно. Я подождала, пока юноша и девушка оторвутся друг от друга, потом спросила:

– Тут не проходили мужчины?

Влюбленные глянули на меня затуманенным взором, девица пробормотала:

– Не видели.

Действительно, очень глупо задавать им какие-то вопросы. Ромео и Джульетта были заняты только собой.

Я вернулась в палату и сообщила загипсованному:

– На лестнице никого нет.

– Не знаю тогда, куда он делся.

Медсестра тоже удивилась:

– Радько нет? Не может быть, мимо меня он не проходил, это точно.

– К нему вроде гости пришли.

– Нет-нет, никого не было, да и закрыто все. Наверное, к кому-то в палату пошел в гости, сейчас проверю.

– Разве он передвигается? – запоздало удивилась я.

Медсестра порылась в ящике, вытащила тоненькую историю болезни и ответила:

– Так переломов нет, только нос, а он ходьбе не помеха. Погодите тут.

Шурша голубой пижамкой, она ушла. Я принялась разглядывать ее стол. Куча каких-то бумажек, шоколадка, журналы «Лиза» и «Отдохни». Внезапно в голове закопошилось что-то неоформившееся. Журналы «Лиза» и «Отдохни»! Господи, ну и дура же я! Ведь Жора велел взять в руки новый номер «Отдохни», а я перепутала и взяла «Лизу». Теперь понятно, почему этой Ларисы не было. Возле памятника великому поэту на Тверской вечно клубится толпа. Очевидно, Лариса ждала человека с «Отдохни» сколько могла и ушла несолоно хлебавши. Из-за жары многие вчера несли в руках различные издания, используя их вместо веера… Боже, какая я идиотка!

ГЛАВА 4

Домой я вернулась злая. Куда мог запропасть Жора? Хотя, насколько знаю, он иногда может заложить за воротник. Наверное, приятели были на машине, сел к ним и поехал погулять. Сломанный нос и морда в синяках никого не смутили. Правда, ночью, лежа на асфальте, Георгий выглядел ужасно, я даже не узнала соседа, но почти через сутки после происшествия он оклемался, и его потянуло на подвиги. Нет ничего странного и в том, что приятели заявились к нему поздним вечером. Небось Жора им позвонил и сказал:

– Вы, ребята, после девяти прискакивайте, когда Ритка уйдет.

Рита женщина скандальная, мы иногда слышим, как она метелит наверху супруга. Она ни за что не разрешит муженьку пойти побаловаться пивком. Но Жорку-то надо предупредить! Может, подняться к соседке и спросить у нее невзначай телефоны друзей мужа?

Я не успела принять решение, потому что в квартиру ввалились Семен с Кристиной. В руках у них виднелись чемоданы и какие-то палки.

– Вот, – отдуваясь, сообщил приятель, – приданое купили, до полуночи по городу гоняли, давай, Криська, тащи из машины памперсы. Смотри, Вилка, тут распашонки, ползунки… Как думаешь, хватит?

– Сколько же ты купил?

– Пятьдесят штук теплых, сто легких…

– С ума сошел! А что это за деревяшки?

– Балдахин от кроватки.

Я скривилась.

– Отвратительная вещь, в нем станет пыль скапливаться, младенцу нужен свежий воздух.

– Да? – расстроился Сеня. – А Крися велела взять, сказала, очень красиво, вон, с мишками.

И он развернул кусок ткани с оборочками. На желтом фоне виднелись коричневые капли, превратившиеся при более детальном разглядывании в медвежат.

Прозвенел звонок. Думая, что это Крися, я рванула дверь и увидела своего папеньку Ленинида с глуповатой ухмылочкой на лице. Нос мигом уловил резкий запах алкоголя.

– О, Ленинид, – обрадовался Сеня, – давай, заходи, пивка желаешь? У меня и рыбец есть.

– Он уже нахлебался, – каменным тоном сообщила я. – Сколько раз тебе говорить: коли нажрался, ко мне не приходи!

– Ну, доча, – залебезил папенька, – случай вышел экстра… экс… эк…

– Хочешь выговорить «экстраординарный»? – прищурилась я. – И не старайся, не получится.

– Злая ты, – вздохнул папаша, – неласковая, грубая, так с родителями не поступают. Ну да ладно, скушаю обиду, лучше глянь, кого к тебе привел, узнаешь?

Я уставилась на маленькую, тощую, похожую на шпротину женщину с ярко-медной головой. Такой цвет получается, если на седые волосы намазать хну и подержать часок-другой. Нежданная гостья смущенно хихикнула, стало видно, что у нее не хватает парочки передних зубов.

– Ну, – поторопил Ленинид, – так как, признала?

– Нет, – покачала я головой, – уж извините, никак не вспомню.

– Экая ты беспамятная, – укорил меня папенька, – это же Светка.

– Кто?

– Маманька твоя, Светка, моя первая жена.

Разобранный балдахин выпал из моих рук на пол.

– Кто?!

Света смущенно закашлялась:

– Ну, в общем, здравствуй, дочка.

Затем она растопырила в разные стороны руки и попыталась заключить меня в объятия. Но я ловко увернулась, шмыгнула в кухню, налила себе воды и стала пить ее огромными глотками, слушая, как Сеня бубнит:

– Проходите, раздевайтесь.

Я доглотала воду, умылась и вытерлась посудным полотенцем. Мое детство прошло вместе с мачехой Раисой. Папенька угодил на зону впервые где-то в 1971-м и с тех пор дома не показывался. А милая маменька убежала еще раньше, когда новорожденной дочурке, то есть мне, не исполнилось и месяца. К чести Ленинида следует отметить, что он не сдал меня в интернат, а принялся воспитывать, как умел. Папенька вскоре женился на Раисе, и я долгое время, пока «сердобольные» соседки не объяснили, что к чему, считала ее своей настоящей мамой. Честно говоря, даже узнав, что Раиса моя мачеха, я не расстроилась. О родной матери не вспоминала никогда, ее фотокарточек дома не было. Впрочем, снимков Ленинида тоже. Я была совсем малышкой, когда папеньку сунули за колючую проволоку. И до самой своей смерти Раиса недрогнувшим голосом сообщала, что Ленинид умер. Правда, причина смерти многократно менялась: то он утонул, то попал под машину, то свалился с поезда…

Отец появился в моей жизни недавно, проведя большую часть своей за решеткой. Как-то он попытался было подсчитать, сколько раз садился на скамью подсудимых, но сбился. Путается и сейчас. Иногда выходит восемь, иногда семь судимостей. Но то, что не десять, это точно. Отбегав под конвоем, папенька решил «завязать». В одной из колоний он получил профессию столяра и начал весьма успешно делать мебель. Он вообще рукастый, способен починить любые приборы и быстро возвести шкаф в прихожей…

Мы с Тамарой, тогда еще незамужние женщины, взяли его к себе. Ленинид не растерялся, женился на нашей соседке Наташке и зажил вполне счастливо. Сейчас он вполне нормально зарабатывает. Многие люди, построив дачи, обставляют потом их в стиле «рашен изба», вот тут-то и появляется папенька. Всякие столы, стулья и кресла он «выпекает» мастерски, а берет не так дорого. Клиенты передают его телефон по эстафете.

Одна беда, Ленинид любит заложить за воротник. Собственно говоря, все его бесконечные посадки связаны с опьянением. Если папенька вылакал бутылку, он неуправляем.

Поэтому Наташка держит его в ежовых рукавицах. Она у нас женщина крупного телосложения, громогласная, скорая на расправу. Щуплый Ленинид боится грозную вторую половину почти до полной отключки. Если Наташа унюхает, что от супруга попахивает чуть-чуть пивком, она запросто поколотит бедолагу, не слишком выбирая «инструмент». Просто схватит то, что попадется под руку:

чайник, кастрюлю, стул, торшер, доску для резки мяса… Я тоже не перевариваю папеньку в состоянии даже самого легкого опьянения, поэтому ему ничего не остается, кроме как вести трезвый образ жизни.

– Негостеприимная ты, – завел папуля, входя в кухню, – нет бы людям чайку предложить с устатку. Разве гостей так привечают?

– Я вас не звала.

– Садись, Ленинид, – велел Семен, – и вы, Света, устраивайтесь.

– Поздно уже, – отрезала я, – нам спать пора, всю ночь сегодня пропрыгали!

– Чего так? – заинтересовался Ленинид.

– Сын у меня родился, – пояснил Семен, распахнул шкафчик, вытащил бутылку коньяка и сообщил: – Надо выпить по такому случаю.

– Ленинид не употребляет, – каменным тоном сообщила я.

– Ну ради такого случая по чуть-чуть, – залебезил родитель.

Сеня мигом наполнил фужеры. Ленинид и Света не стали кривляться и разом отправили коричневую жидкость в горло. Я обратила внимание, что женщина даже не поморщилась, и испугалась. Так, похоже, она тоже из «употребляющих». И потом, где она провела последние тридцать лет? Судя по отсутствию зубов, тоже сидела под надзором. Отлично, раньше у меня имелся папенька, алкоголик со стажем и рецидивист, а теперь к нему прибавилась маменька, любительница крепких напитков и уголовница. Если с присутствием Ленинида Томочка, безмерно жалостливая и добрая, заставила меня смириться, то с мамашей я совершенно не собираюсь иметь никаких дел.

– Ладно, – сказала я, – пойду спать, а вы гуляйте хоть до утра.

Не успела я лечь в кровать, как в дверь поскреблись. Я упорно молчала. Ленинид всунул голову в комнату:

– Вилка, можно? Ну ты же не спишь! Не вредничай, доча.

– Чего тебе?

Папенька ужом юркнул в спальню.

– Ей жить негде.

– Кому?

– Да Светке.

– И что?

– Ну…

– В общем…

– Что?

– На улицу-то не выгнать.

– К себе пригласи, у вас места много.

– Так ведь Наташка. Она ее живо отметелит. И потом, штука одна получилась.

Ленинид крякнул и принялся тереть затылок.

– Какая штука?

– Выходит, что я двоеженец, – решился наконец папенька.

– Почему?

– Дык… – завел было папенька и осекся.

– Говори, – приказала я.

– Так уж вышло, получилось не со зла, – забубнил Ленинид, ероша волосы, – случайность, одним словом. В паспорте отметок никаких. Мне его недавно дали, паспорт. В деле Светки не было, я смолчал про первую жену, когда меня арестовали в 71-м, вот про Раису рассказал. Только получается, что и она незаконная была.

– Постой, – дошла до меня наконец суть его несвязных речей, – ты хочешь сказать, что не оформлял развод со Светой?

Ленинид кивнул.

– Как же так? – возмутилась я.

Папенька развел руками:

– Где бы я ее искал? Думал, спилась давно. Знаешь, как она ханку трескала? Ведрами.

Я тяжело вздохнула: радостная информация.

– И тебя расписали с Раисой? Постой, когда это произошло?

– Официально отметились в 68-м.

– Не ври, не могло быть такого. В советские времена люди бдительность проявляли, тебя бы в загс без свидетельства о разводе не впустили.

Ленинид захихикал.

– Эх, доча! В те года паспорта другие ходили, не нонешние, красные, а серые, сделанные в виде книжечки, странички пронумерованы, посередине скрепочки. Я железочки разогнул, аккуратно все листочки вынул. Тот, который со штампом о браке, сжег, а на его место положил другой, чистый, с таким же номером внизу. Потом железочки загнул, и пожалте, мужчина неженатый. Сообразила?

Я кивнула. У меня в школе имелась очень вредная учительница по математике, запрещавшая вырывать странички из тетради. Мы иногда тоже расшивали листы, убирали испорченные и вкладывали новые. Так что технология понятна, неясно другое.

– Где же ты взял листочек с номером?

– Ладно, дело давнее. Спер паспорт у парнишки, соседа со второго этажа, и распотрошил. Уж не помню, как звали мальчонку. Да ему новый без проблем дали, ну, может, поругали чуток. И правильно, не будь растяпой!

– Когда женился на Наташе, принес в загс свидетельство о смерти Раисы?

– Точно.

– А теперь появилась Света?

– Угу.

– Ты у нас прямо словно падишах. Расскажи Наташке, в чем дело, и забудь.

– Да она меня убьет.

– Правильно сделает.

– Слышь, доча, ну пусть она у вас недельку-другую перекантуется, а? Не гони, мать ведь. Куда ж ей идти, на вокзал? Ни денег, ни жилья. Она только вышла.

– И за что ее посадили?

– Не спросил.

– А ты поинтересуйся, вдруг она добрых людей, которые ее на постой берут, убивает!

– Ну, Вилка!

– Ладно, предположим, я разрешу ей тут пожить денек-другой, потом-то она куда денется?

– Трое ребят у ней. Двое мальчишек и девочка. Парни на Украине живут, а девка где-то в Молдавии. Она к ним съедет.

– Как она вообще тебя нашла?

– Да просто заплатила за справку, ей и дали адрес по прописке. Хорошо еще сегодня притопала, когда Наташка к матери поехала, прикинь, что бы она со мной сделала?

Села бы и раздавила! Значит, на просторах ближнего зарубежья живут еще и другие мои родственники: двое сводных братьев и сестра. Вот как интересно. Считаешь себя сиротой, а потом невесть откуда начинается появление родичей.

– Ну, Вилка, – зудел папенька, – ночь на дворе…

– Положи ее в гостиной, – выдавила я из себя, – только предупреди: на неделю. Пусть за это время ищет деток. Имей в виду, ровно через семь дней выставлю ее вон!

Утром я сначала съездила в Институт акушерства и гинекологии и поговорила с Тамарочкой.

– Нас выпишут через три дня, – радостно щебетала подруга, – внизу на доске висит список того, что следует принести младенцам, а мне притащи темно-синее платье, которое я в январе купила.

– На улице жара, ты в нем с ума сойдешь, лучше сарафан!

– Нет, очень хочется пояс на талии затянуть, а оно одно такое в шкафу, все остальные вещи свободного покроя.

Этот аргумент показался мне весомым, я пообещала выполнить указания и поехала в Склифосовского. На этот раз внутрь меня впустили беспрепятственно. Я добралась до палаты и увидела четыре пустые койки со смятым бельем. Очевидно, больных развезли по разным кабинетам. Одного на перевязку, другого на рентген, третьего на уколы…

На посту болтали девчонки, по виду чуть старше Криси.

– Простите, не знаете, когда Радько вернется в палату?

Девицы повернули головы, увенчанные огромными колпаками.

– А вы ему кто?

– Коллега, с работы послали навестить.

– Удрал ваш Радько.

– Как? Куда? Почему?

Медсестры тихонько захихикали:

– Кто ж его знает куда? Небось домой. Вот почему – понятно. Мужики жуткие трусы! Уколов испугался и убежал. Случается такое иногда.

Я поехала назад. Наверное, Жорка вчера перепил и постеснялся с утра появиться в больнице, небось похмельем мучается. Но где его искать? Может, он дома?

За дверью Ритиной квартиры стояла тишина. Рита всю жизнь бегает на фабрику, которая производит декоративную косметику, она у нас технолог.

Понажимав бесплодно на звонок, я спустилась к себе и мигом была схвачена Кристиной.

– Вилка, – прыгала девочка, – ты глянь, какая у меня юбка, только осторожно, она на наметке!

– Симпатичная вещичка и сидит хорошо, прямо как влитая. Материал вроде знакомый.

– Не узнала? Это же старый плащ Тамары.

– Действительно, вишневый.

– Ага, – веселилась Крися, – рукава протерлись, а спина целая. Света сказала: чего вещь зря выбрасывать, давай юбку сгоношу. Знаешь, как она ловко управляется! Размеры не снимает, выкройку не делает, вжик по материалу ножничками, прямо в минуту отрезала.

Я чуть было не спросила, кто такая Света, но вовремя вспомнила, что это моя вновь обретенная маменька, и ехидно осведомилась:

– Значит, она мастерица!

– Еще кофточку сошьет, – бесхитростно радовалась Крися. – Эх, жаль у нас машинки нет. Где бы взять, а? Меня завтра на день рождения пригласили, хочется в новом пойти.

– У соседей поспрашивай, может, дадут.

– Точно!

Не снимая кое-как сметанной юбчонки, Кристина рванулась на лестницу.

ГЛАВА 5

Я вошла в гостиную. У разложенной на обеденном столе ткани стояла с ножницами в руках Света. Услышав мои шаги, она, не поднимая головы, сказала:

– Блузка запросто выходит, материала полно. Знаешь, хочу предложить другой вариант. Сейчас очень модны «двойки». Представляешь, топик и кофточка без пуговиц. Давай такие сделаю, а? Самая красивая будешь!

Она повернулась, увидела меня и покраснела.

– Не знала, что ты шьешь, – я решила поддержать разговор.

– Да вот, чуток балуюсь, – смущенно ответила Света, – чего без дела сидеть. Денег у меня нет, чтобы за приют заплатить, так шитьем отблагодарю. Хочешь, брюки тебе зафитилю, капри. Неси материю.

– Какую? – заинтересовалась я.

– Любую, мужнины старые брюки есть?

– Старья полно.

– Неси.

Я открыла шкаф, вытащила штаны, которые перестали застегиваться на животе Олега, и протянула их Свете.

– Подойдет?

– Вельвет, – задумчиво протянула швея и потом добавила: – Мелкий рубчик, это хорошо, красиво ляжет. Ну-ка, повернись!

Я покорно встала боком.

– Ага, – пробормотала Света, – ща!

Она моментально сдернула со стола ткань, бросила на него брюки и принялась щелкать ножницами. Раз, раз, раз…

Я смотрела на нее в полнейшем изумлении.

– Ты вот так сразу, без выкройки?

– У меня глаз – ватерпас, – спокойно ответила Света, – и мерить не стану, вот увидишь, как сидеть будут, словно вторая кожа.

– Ты не пропадешь с такими способностями!

Света ухмыльнулась:

– Пока что от моего таланта одни неприятности были.

– Почему?

Маменька отложила ножницы и встряхнула кусок вельвета.

– По моей первой статье было положено УДО.

– Что? – не поняла я.

– Ну условно-досрочное освобождение. Вот, к примеру, дали мне восемь лет, значит, примерно через пять я могу на волю проситься, если работала и замечаний не имела. Так не отпустили, а все из-за шитья.

– Это как?

Света засмеялась.

– Сглупила я. Когда на зону впервые приехала, сразу объявила, что шью хорошо. А кругом-то одни бабы.

– Ясное дело, зона женская.

– Нет, не поняла ты, – рассмеялась Света, – отрядные, воспитатели, политработники… Ну все кругом бабье. Я-то решила, что мне послабление

сделают за шмотки. Впрочем, вначале так и вышло. Всех зэчек на мороз погонят дорогу мостить, а меня в тепле у швейной машинки оставят. И кормили хорошо. Только когда время УДО подоспело, – она махнула рукой, – живо в ШИЗО, то есть в штрафной изолятор, угодила. Ну и все, пришлось до конца досиживать, все восемь лет, от звонка до звонка, оттрубила. Не захотели бабы дармовой швеи лишаться и устроили мне посадку в карцер.

– А за что ты на зону угодила?

– Запойная я, – без всякого стеснения пояснила Света, – целый год могу ни капли в рот не взять, даже не понюхаю, а потом срываюсь и пью все, что попадется… Ну а как нажрусь, сразу на подвиги тянет. Первый раз стекло в магазине разбила и велосипед из витрины увела, в 65-м было. Вот скажи на милость, зачем мне велик понадобился? Во-первых, на дворе декабрь стоял, а во-вторых, ездить на нем совсем не умею. Только стоил он рублей двести, самый дорогой под руку попался, получилось хищение в особо крупных размерах и восемь лет. Отсидела, домой поехала, к Лениниду. Он, правда, не писал мне, посылок не слал, только муж ведь. Правда, по тем годам в столице таких, как я, не прописывали, за 101-й километр селили, но я все равно решила скатать и на всех посмотреть. Заявилась по адресу, открывает дверь незнакомая баба и говорит:

«Ленинид на зоне, девочку добрые люди удочерили, ступай, откуда пришла. Теперь мы тут с дочкой прописаны. Вали колбаской по Малой Спасской.»

Злая такая, неприветливая. Я ее попросила: «Пусти хоть воды попить, четыре дня в поезде на третьей полке ехала, только освободилась».

А она как рявкнет: «Убирайся, сейчас моя дочка из школы придет, она посторонних боится!»

Света замолчала и принялась вдевать нитку в иголку. Я тоже не произнесла ни слова. Значит, Раиса знала, что моя мать жива, но побоялась показать ребенка бывшей зэчке, решила уберечь меня от неприятностей.

– Ну я и ушла, – закончила Светка. – Добралась до первого винного магазина и нажралась вдупель. Чего потом было, и не упомню. В милиции очнулась, в кармане справка об освобождении, а на столе у следователя протокол. Вроде я к какому-то мужику пристала с неприличным предложением, хотя отродясь

проституткой не была. Он со мной в подъезд зашел, а я у него в процессе кошелек сперла и тут же у батареи спать легла. Он ментов привел, портмоне на подоконнике лежало, небось само выпало, только кто же мне поверит? Во-первых, пьяная, во-вторых, только из заключения. Опять посадили, девять лет дали.

– Много как!

– Времена суровые были, потом рецидив… Вышла я в 1982-м и уехала в Карлово, под Москвой это. Пристроилась швеей в ателье, клиентами обросла, затем с Петром повстречалась. Пять лет прожили, хорошо было. Он меня крепко держал, однажды увидел, что к бутылке тянусь, так отметелил… Неделю в постели валялась да охала. Трое детей у нас народилось, думала, все наладилось. В городе почет и уважение. У меня знаешь какая клиентура была? Все жены начальства бегали и не боялись, что бывшая заключенная. По советским временам в магазинах никаких тряпок не найти, а я из говна конфетку делала и брала недорого! Эх, жила, как сыр в масле, продуктов – полный холодильник, мы с Петром на машину копили.

Она опять замолчала.

– А дальше? – поторопила я ее.

– Дальше, – буркнула Света, – дальше ничего хорошего. Поехал Петя в Москву и под электричку попал. Ну я на поминках и нажралась. Знала ведь, что нельзя мне водяру даже нюхать, и отказывалась сначала. Только народ знаешь какой! Давай приставать: опрокинь стопочку, чтобы Пете земля на том свете пухом была, проводи покойничка. Ну и уломали, развязала. Месяц квасила без продыху, а потом в драку ввязалась. Поверь, ничегошеньки не помню, вообще ничего, словно спала. Только в свалке мужика убили, а нож у меня в руке оказался. Вот четырнадцать лет и мучилась на зоне. Иногда проснусь в бараке и плачу. Ну точно меня подставили, кто-то убил, а ножик мне подсунул. Я спереть могу, но убить не способна. Вот выпустили, а идти некуда. Где дети, не знаю, искать надо. Вспомнила про Ленинида, понадеялась, поможет… Видишь, какая у меня жизнь бестолковая, только и было счастья, что пять лет с Петей. Еще спасибо, Ленинид признал, мы с ним не разведены официально, вроде мужем и женой считаемся. Кабы не он, мне хоть в реку прыгай. И тебе спасибо, не побоялась к себе пустить.

Она аккуратно расправила вельвет рукой. Я не нашлась, что сказать. В наступившей тишине стало слышно, как сопит спящая на диване Дюшка.

– Кристина прям пропала, – вздохнула Света, – пошла за машинкой и чисто провалилась.

Не успела она договорить, как дверь в гостиную распахнулась и возникла Крися.

– Нашла машинку? – спросила я.

Девочка села на диван и затряслась.

– Там, там, там…

– Что? – кинулась я к ней. – Тебя кто-то обидел?

– Там, там, там…

– Где?

Кристина с видимым трудом подняла руку и ткнула пальцем в потолок.

– Там…

– Ты была у Риты?

– Д-д-да.

– Что случилось?

– Там…

– Что?!!

– Там… там… – так и не выговорив до конца, залилась плачем девочка.

Поняв, что у соседки случилось нечто страшное, мы со Светой понеслись вверх по лестнице.

Дверь в квартиру Риты была нараспашку. Я отметила, что беспорядок в прихожей ликвидирован. Впрочем, в большой комнате и детской тоже все стояло, лежало и висело на своих местах. Спальню же и раньше не тронули. То ли Рита и впрямь наняла уборщицу, то ли не спала всю ночь, разбирая кавардак. Недоумевая, что могло до такой степени напугать Кристину, я шагнула в кухню и замерла. Крупа лежала кучами на столиках. Ритулька не успела навести тут порядок, наверное, устала и решила отдохнуть. Довольно большой обеденный стол закрывал мне обзор. В левом углу около него роились мухи, очевидно, они слетелись на пролитое варенье. Я сделала шаг вперед, увидела голую пятку, потом вторую… Затем увидела всю Риту, одетую только в крохотные трусики-сюгринги. Она лежала на животе, уткнувшись головой в лужу темно-красного варенья. Но уже через секунду мне стало понятно – это не сладкий сироп, а кровь.

– Ну, ё-мое, – пробормотала Светка и кинулась на лестничную клетку.

Я бросилась за ней, забыв захлопнуть дверь квартиры. Быстрее молнии мы пробежали по ступенькам и влетели домой. Крися продолжала трястись на диване. Я схватила пузырек с валерьянкой, щедро наплескала в рюмку, влила в девочку и спросила:

– Ты видела, как это случилось?

– Нет, – всхлипнула Крися, – я вошла, а она лежит.

– Кто же тебе дверь открыл?

Без конца шмыгая носом, Кристина пояснила:

– Я побежала по соседям, ни у кого машинки нет, а потом вспомнила, что тетя Рита недавно занавески на кухню новые сшила, она еще их показывала!

Я кивнула.

– Ну и позвонила к ней. Только мне никто не открыл. Я чуть не заплакала, очень на день рождения к Верке хотелось в новом пойти, ну и стукнула со всей силы по створке ногой.

Дверь неожиданно отворилась. Обрадованная Крися вошла внутрь, решив, что соседка просто не услышала звонка. Сначала заглянула во все комнаты, заметила в спальне на подоконнике «Зингер» и, чрезвычайно оживившись, поскреблась в ванную. На кухне девочка оказалась в последнюю очередь…

Уложив Кристину в постель, я стала накручивать «02». Света спокойно слушала мои переговоры с милицией, а потом попросила:

– Сделай милость, не говори, что я с тобой ходила. Биография у меня, в общем, сама понимаешь…

Милиционеры прибыли быстро. Самый главный, потный, толстый дядька лет пятидесяти пяти, начал меня допрашивать. Я честно рассказала, что знала. Вчера квартиру Радько ограбили, а сегодня хозяйку убили. Кабанообразный мент слушал с каменным лицом, не выказывая никаких эмоций. Я завершила фактическую сторону дела и решила поделиться своими соображениями.

– Мне кажется, это не просто ограбление.

– Разберемся, – хмуро прервал меня капитан.

– Рите угрожали, вернее, не ей, а ее мужу.

Я быстро изложила историю про телефонный звонок.

– Сейчас изымем кассету, – пообещал мужчина.

– Я случайно стерла запись.

– Тогда чего вы хотите?

– Просто советую…

– Спасибо, сами сообразим.

– Но муж Риты…

– Вы можете быть свободны.

– Его ночью…

– Я вас более не задерживаю.

Будучи женой сотрудника милиции, я возмутилась до глубины души:

– Как вы разговариваете с основным свидетелем! Мой муж говорит, что девяносто процентов ценной информации узнается в первый день от людей, а вам послушать лень.

– И кто у нас муж? – съехидничал кабан.

– Олег Михайлович Куприн, майор с Петровки.

По тому, как глаза капитана сузились, превратившись в щелочки, я поняла, что совершила ошибку. Эх, поздно вспомнила, что Олег объяснял: «Между районными отделениями и теми, кто сидит в городском управлении, идет борьба. Первые считают вторых карьеристами, людьми, которые забирают себе интересные, перспективные дела, раскрыв которые получают поощрения от начальства и новые звезды на погонах. «Жадные пенкосниматели» самое мягкое сравнение, которым они нас удостаивают. На Петровке, в свою очередь, с явным пренебрежением относятся к работе отделений. Коли мужик сидит в районе всю жизнь и не продвинулся по службе, значит, он либо идиот, либо пьяница, либо лентяй. Лишь в одном «районники» и «городские» едины – и те и другие терпеть не могут ребят из ФСБ».

Кабан нахмурился и процедил:

– У вашего муженька свои заботы, нечего меня поучать!

– Просто выслушайте меня, у Жоры в кармане…

– Говорите конкретно по факту смерти гражданки Радько.

– Но речь идет о ее супруге…

– Только о Маргарите Радько, меня сплетни не интересуют, – отрезал мент.

Я растерялась, а вот Олег говорил, что от дворовых кумушек можно узнать массу полезных вещей! Но мой муж великолепный профессионал, а этот свиноподобный монстр, похоже, идиот!

– Ну, рассказывайте быстрей!

Я вздохнула.

– Больше не о чем.

Ментяра захлопнул планшет.

– Ладушки, понадобитесь – вызову.

Тяжело ступая, он ушел, на кухне остался лишь густой запах пота. Я распахнула окно. Встречаются же такие недоумки! Не то что Олег, тот…

«Дзынь, дзынь», – ожил телефон. Я схватила трубку и услышала голос мужа:

– Как дела? Дома все в порядке?

Больше всего меня злят эти вопросы, произнесенные вскользь, между прочим, скороговоркой. Олег трудоголик. Оказавшись на работе, он капитально забывает обо мне и обо всех семейных заботах. Домой Олег во время рабочего дня не звонит. Первое время я сама пыталась с ним соединиться, но каждый раз звонила не вовремя. То он отъехал, то у начальства, то в комнате сидят посторонние, при которых неудобно вести интимные разговоры… Потом я перестала звонить. В течение дня у меня не раз возникает желание поболтать с мужем, но я заставляю себя не делать этого. А Олегу мысль соединиться с женой приходит в голову около девяти вечера.

– Как дела? – кричит он. – Дома все в порядке?

Меня так и подмывает ответить: «А если что-то случилось, ты чем поможешь, а? И как до тебя дозвониться, если вдруг понадобится помощь? Что за дурацкие демонстрации заботы? Если на самом деле волнуются о семье, то не ленятся звонить домой хоть пару раз за день!»

Но, естественно, ничего такого я не говорю, да и зачем? Олега не переделать. Но вопрос раздражает. Наверное, поэтому я сегодня слишком резко ответила:

– В принципе все в порядке, за исключением…

– Вот и хорошо, – прервал меня Олег, не дослушав фразу до конца, – сбегай в мой кабинет и посмотри на столе визитку, Россиянов Сергей Герасимович, мне его телефон нужен.

Я покорно выполнила просьбу, продиктовала цифры и спросила:

– Ты каким поездом завтра приедешь?

– Задержусь тут на недельку, – скороговоркой выпалил муженек, – дела, понимаешь.

– Как же так! – возмутилась я. – Хоть бы предупредил, я жду тебя!

– Не надо, душенька, – бормотнул Олег, – занимайся спокойно своими делами.

– Ты меня совсем не любишь!

– Извини, Вилка, звоню из чужого кабинета, просто телефон Россиянова срочно понадобился. Освобожусь, дойду до гостиницы, и тогда поболтаем. Давай, пока.

Я растерянно посмотрела на пищащую трубку. Значит, он позвонил не потому, что соскучился, а из-за забытой визитки. Не успела ему рассказать ни о рождении сына у Томочки, ни об убийстве Риты, ни о приезде Светы…

Внезапно к глазам подступили слезы, он и правда меня не любит, Олег женат на работе. Шмыгая носом, я добралась до ванной, пустила душ, влезла под теплую воду и наревелась от души. Потом вымыла голову, уложила волосы феном и заметила на полочке косметичку Криси. Девочке скоро исполнится четырнадцать, и все карманные деньги она тратит на тушь, помаду и лак для ногтей. Кристина тщательно следит за рекламой и приобретает всякие интересные новинки типа теней, которые меняют цвет в зависимости от температуры тела. Забыв о плохом настроении, я принялась упоенно рыться в мазилках. Так, ну-ка попробуем вот этот тональный крем.

Через десять минут из зеркала на меня смотрела интересная женщина чуть старше двадцати пяти. Напевая себе под нос, я вышла из ванной. С чего это я впала в истерику? Всю жизнь рассчитывала только на себя. Если Олег не способен оценить меня, то и не надо, не стану напрашиваться. Вон Ритка постоянно висла на Жоре, а он бегал от нее налево…

Я прошла к себе, натянула легкие брюки, взяла тоненькую футболочку с карманом, стала ее выворачивать, и тут на пол упала яркая дискета. Интересно, что за информация хранится на ней?

ГЛАВА 6

Компьютеров у нас два. Большой, с огромным монитором, находится в кабинете у Семена, ноутбуком владеет Олег. Мужская часть семьи запросто управляется с машинами. Тамара, кстати, тоже весьма ловко общается с компьютером, я уже не говорю о Крисе, которая ухитряется лазить по всему Интернету и заползать туда, куда, казалось, и входа нет. Вот только у меня плохо получается контакт с этой консервной банкой. У нас с ней взаимная нелюбовь и полное непонимание, но дискету открыть я сумею.

Я пошла в кабинет к Семену, заглянув по дороге к Кристине. Она спала, а Света сидела у торшера с иголкой в руках.

– Вот, – улыбнулась она мне, – юбочку дошиваю, будет Кристине утром сюрприз, на машинке, конечно, быстрей, но и без нее управимся.

Прежде чем открыть дискету, я перенесла ее содержимое в рабочую папку, так меня научил делать Олег. Потом вытащила ее, отложила в сторону и открыла переписанный файл.

По экрану побежали строчки… История болезни Левитиной Ларисы Григорьевны, 1952 года рождения, проживающей по адресу: Иконников переулок, дом 12, квартира 46. Больная наблюдалась в клинике эндокринологии. Жалобы на утомляемость, прибавку в весе, перебои в сердцебиении. Анализ крови…

Дальше замелькали непонятные вещи: содержание сахара в крови, реакция оседания эритроцитов… Я не стала смотреть файл до конца и переписала на бумажку адрес Левитиной. Все сразу стало на свои места. Слава богу, дискета не имеет никакого отношения ни к ограблению, ни к смерти Риты. Я было подумала, что воры искали ее, иначе зачем перерыли и переломали все. Но теперь понимаю, что дело обстоит просто. Какая-то из баб Жорки попросила его принести ей дискету с этой информацией. Вернее, не какая-то, а Левитина Лариса. Жора спрятал дискету в потайной кармашек. Ритка ревнива, компьютер у них есть, она могла прочесть файл и устроить мужу разбор полетов. Вот он и решил обезопаситься. А тут налетели бомжи, охотники за кошельками… Почему Жорка просил меня пойти на встречу с этой Ларисой, что за спешка такая? Небось тетка вновь в больницу ложится, вот и торопился. Почему умолял не рассказывать Ритке? Ну это и ежу ясно!

С чувством выполненного долга я выключила компьютер. Завтра поеду в Иконников переулок, отыщу эту Ларису, извинюсь… Хотя… Я посмотрела на часы: ровно половина девятого. Эта Лариса небось утром убежит на работу, надо ехать сейчас.

Иконников переулок расположен в Центре, перпендикулярно Садовому кольцу, в пяти минутах ходьбы от метро «Смоленская». Дом двенадцать оказался старым зданием, стоящим в глубине хорошо убранного двора. Консьержка не сидела на месте. На небольшом столе лежала газета, сверху покоились очки. Очевидно, женщина отошла на минутку, и я беспрепятственно проникла в подъезд, поднялась на пятый этаж и позвонила в нужную квартиру.

Дверь распахнулась сразу. На пороге стояла прехорошенькая девочка в кожаной мини-юбочке и свитерочке-лапше, обтягивающем точеные плечики. На лестничную клетку вырвались звуки музыки, смех и выплыл аромат пирогов. В доме явно принимали гостей.

– Вы ко мне? – улыбнулась девочка.

– Позовите Ларису Григорьевну Левитину.

– Кого? – удивилась хозяйка, отступая в глубь холла.

– Левитину Ларису, – повторила я, – у меня к ней дела.

– Мама умерла, – ответила девочка.

– Как? – изумилась я.

Она пожала плечами.

– А как умирают – просто. Легла в больницу, щитовидка у нее болела, а назад не вышла.

Я стояла в полной растерянности. Девушка спокойно захлопнула дверь. Из квартиры донеслись взрывы веселого смеха. Однако дочь не слишком горюет по умершей не так давно матери.

Спустившись вниз, я пошла к двери.

– Женщина, – окликнула меня консьержка, – платочек потеряли!

Я обернулась и увидела на полу у лифта платок из голубого батиста.

– Это не мой.

– Значит, Глаголева из 64-й обронила, – вздохнула лифтерша, – она только что ушла.

Я нагнулась.

– Не трогайте, – испугалась тетка.

– Он мне не нужен, просто я хотела его вам на стол положить, передадите той, которая выронила.

– Ни боже мой, – замахала руками женщина, – никогда не прикасайтесь к чужим носовым платкам! Даже у родных не берите.

Я улыбнулась.

– Как же стирать?

– Пусть сами в машину засовывают. Я своим сразу заявила: не смейте платки в общий бачок класть. Испачкали, быстренько сполоснули и сушить повесили.

В подъезд вошла худенькая черноволосая девушка.

– Здравствуйте, Марья Сергеевна, – улыбнулась она.

– Добрый день, Анечка, – отозвалась лифтерша, – что же ты у Олеси не гуляешь? Там давно пляшут.

– Некогда мне, – вздохнула Аня, – работы много.

Она вошла в лифт, двери со скрипом закрылись, платочек продолжал сиротливо лежать на кафельной плитке.

– Отчего же вы шарахаетесь от носовых платков, – улыбнулась я, – боитесь инфекцию подхватить?

– Если берешь в руки не свой платок, – на полном серьезе заявила Марья Сергеевна, – то вместе со слезами получаешь и чужие беды, ну и заражаешься ими.

Я не выдержала и рассмеялась:

– Жуткая чушь!

– Вот и нет, – обиделась Марья Сергеевна. – Мне Лариса Григорьевна объяснила. Она знаете кто была?

– Кто?

– Лучшая гадалка в России, жаль, умерла, но смерть свою предчувствовала, шла в больницу и сказала: «Эх, Маша, прощай, не увидимся более на этом свете».

– Вы говорите про Левитину из 46-й квартиры?

– Именно. Грустная такая из дома уходила. Я ей вслед кричу: «Лариса Григорьевна, не волнуйтесь, все люди, если в больницу собрались, о смерти думают». А она повернулась и тихо ответила: «Я, Машенька, смерти не боюсь, потому как знаю, что ждет за чертой. Мне жутко делается, когда вспоминаю, кто меня на тот свет отправит».

– Ее убили?

– Господи, отчего такой ужас вам в голову пришел? – всплеснула руками Марья Сергеевна. – У нее болезнь имелась, вот название забыла, слишком хитрое. Лариса Григорьевна очень прозорливая была. Ее в нашем доме побаивались слегка, но бегали, если хотели что узнать. Никому не отказывала, а денег не брала.

– Да ну? Сейчас все гадалки дорого запрашивают.

– Лариса Григорьевна не из таких была, она от платы отказывалась. Говорила, что господь дар бесплатно дал, значит, и зарабатывать им нельзя. Очень совестливая женщина, не то что Олеся.

– Это кто?

– Дочь ее, – поморщилась Марья Сергеевна. – И еще говорят, будто яблоко от яблони недалеко падает! Леся полная противоположность матери, совсем бесстыжая выросла. А уж как ее Лариса Григорьевна любила! После смерти мужа прямо в зубах носила, ни в чем капризнице не отказывала. Ну и выросла еще та штучка! Мимо пройдет, никогда не поздоровается, а ведь я в этом доме

всю жизнь работаю, совсем маленькой ее помню. И что бы вы думали, стоило матери умереть, как эта девчонка созвала вечеринку! Сорока дней не прошло, душа еще тут мается, а Олеся гулянку устроила с музыкой и танцами. Я не утерпела и сказала ей: «Знаешь, детка, положено траур держать, понятное дело, что год, наверное, много, но хоть месяц бы потерпела. Еще земля на могиле не осела, а ты козой скачешь!»

А она нахмурила лобик и процедила сквозь зубы: «Не твое дело, старая идиотка, лучше пол в лифте мой как следует, а то развела грязь».

Марья Сергеевна помолчала, а затем возмущенно добавила:

– Всех подруг своих растеряла, потому что грубая очень и жадная. Вон Анечка сейчас прошла, хорошая такая девочка, на врача выучилась, диплом в прошлом году получила. Они с Олесей еще школьницами вместе ходили, за одной партой сидели. Как Лариса Григорьевна умерла, Анечка и раздружилась с ее дочерью, черная кошка между ними пробежала. У Олеси теперь иные подруги, на «Мерседесах» ездят, Анечка же на троллейбусе в свою больницу добирается. А носовые платки чужие никогда не трогайте, Лариса Григорьевна зря ничего не советовала.

Я поехала домой, безостановочно зевая. День выдался суматошным и нервным, хотелось отдохнуть, почитать газету, съесть шоколадку… Уже возле квартиры я разозлилась на саму себя. Совсем ума лишилась! Подумала, что дискета нужна женщине, которая ложится в больницу, и успокоилась. А телефонный звонок? Кто пугал Жору, а?

Пол в холле был завален пакетами и свертками. Я открыла один мешочек и увидела ярко-голубой спортивный костюм, в другом оказались роликовые коньки, шлем и наколенники. Очевидно, Семен от радости совсем тронулся умом и начал скупать все вещи, предназначенные для подрастающего поколения.

Из кухни донесся приглушенный смех, я заглянула туда. У большого стола уютно устроились Семен, Ленинид и Юра. Перед каждым из мужиков стояло несколько бутылок пива, в центре, на большой тарелке, высилась гора креветок.

– О, доча, – испуганно воскликнул папенька, – глянь, какую штуку я Никитке купил!

– Кому? – не поняла я, разглядывая устрашающе огромную пожарную машину.

– Решили мальчика назвать Никиткой, – осоловело икнул Семен и потянулся к бутылке.

Я схватила приятеля за руку.

– С тебя хватит, – потом обвела взглядом кухню, заметила в углу, возле холодильника, целую шеренгу пустых емкостей из-под «Клинского» и добавила: – Впрочем, и остальным тоже пора остановиться, завтра на работу!

– Так сын у него родился, – зашумел Юрка, – такое событие, может, один раз за всю жизнь и случилось. Как не погулять, мы же по-скромному, пивком балуемся, не водку гоняем.

Интересно, сколько они выпили, если опьянели? Наверное, счет идет не на бутылки, а на ящики.

В кухню тихо вошла Света и робко спросила:

– Вилка, можно чайку попить?

– Давай, садись к нам, – радушно предложил Ленинид, – креветочки классные, толстенькие попались, мясистые.

– Не смей даже нюхать пиво, – приказала я Светке, – оставь этих пьяниц тут, принесу тебе чай в комнату.

Маменька грустно улыбнулась. Она может обижаться сколько угодно, но после того, как рассказала свою биографию, я не имею права подпускать ее к любой хмельной жидкости ближе, чем на сто метров.

– Ну, доча, – заблеял папенька, – вечно ты людям праздник портишь. Сидели себе душевно, мы ща еще и споем. Давайте, мужики, ну эту, как ее… про вечера.

– «Не слышны в саду даже шорохи»! – заорал Юрка, не обладающий никаким слухом.

– Погодь, – прервал его Ленинид, – не про то. «Как упоительны в России вечера…»

Нестройный хор сиплых голосов завел народный хит. Думаю, если бы господин Жечкин услышал их интерпретацию песни, даже его, напрочь лишенного музыкальных данных, хватил бы инфаркт.

– Немедленно прекратите, – обозлилась я, – Кристину разбудите, ей завтра в школу.

– Ради праздничка и прогулять можно, – сообщил Семен, – подумаешь, один денечек не сходит, беды нет.

– Чем вы тут занимаетесь, а? – раздался знакомый голос.

Я обернулась и увидела, что в кухню тяжелым шагом входит Лелька, жена Юры.

С Юркой мы дружим много лет. До недавнего времени жили в одном доме, более того, в одном подъезде. Вместе ходили в школу и частенько бегали друг к другу делать уроки. Кстати, именно Юрка и познакомил меня с Олегом, они работают в одном отделе. Поэтому я очень хорошо знаю всю его семью. Она невелика. Двое мальчишек-близнецов и жена. Леля интересная женщина, вполне умная и умеющая себя вести. Одна беда: ревнива до безобразия. Бедняга Отелло – ребенок по сравнению с мадам Петровой. Той не надо даже повода, чтобы взбеситься. Лелька обшаривает карманы и портфель супруга, обнюхивает его и, если обнаруживает нечто, по ее мнению, подозрительное, устраивает вселенский скандал, с битьем посуды и швырянием тяжелых предметов. Ненормальная баба ухитряется ревновать Юрку даже к нам с Тамарой. Правда, ради объективности следует отметить, что потом ей делается стыдно и она начинает извиняться. Но это потом, а в злую минуту Леля готова нас разорвать на части.

Вот и сейчас ее глаза лихорадочно блестели, а руки сжимались в кулаки.

– Лелечка, – быстро сообщила я, желая погасить пока еще не разгоревшийся пожар, – выпей скорей, знаешь, у Тамары сын родился, решили Никитой назвать.

Бедный Юрка сидел тихо-тихо. Наверное, приятель надеялся, что супруга его не заметит. Но не тут-то было. Леля ткнула пальцем в Свету, стоящую у плиты.

– Что, новую хахелицу завел, потаскун!

Юрка молчал, он по опыту знает, что спорить с рассвирепевшей супругой бесполезно, убьет и не заметит. Я поспешила ему на помощь:

– Да ты чего, Лелька, ослепла никак! Это Света, она же Юрке в матери годится.

Ревнивица на секунду притихла, потом отбила удар:

– Да какая разница, сколько ей лет? Возраст ничему не помеха.

– Прекрати сейчас же, – поморщилась я, – не порти людям праздник, Света пришла с Ленинидом!

– С кем? – донеслось сзади. – Кто тут заявился с моим мужем?

ГЛАВА 7

Я попятилась. Легко сдвинув Лелю с дороги, в кухню вплыла Наташка. Папенька ойкнул и быстренько спрятался за Семена. От растерянности и неожиданности я поинтересовалась:

– Девушки, а что вас сюда принесло, да еще вдвоем? И как только вошли в квартиру, вроде в дверь не звонили?

– Она у вас открытая стоит, – пояснила слегка успокоившаяся Лелька.

Тут Наташка схватила со стола тарелку с креветками и, швырнув ее в Светку, заорала:

– Значит, ты с Ленинидом таскаешься?

Розовые морепродукты дождем посыпались на пол. Давя их туфельками сорокового размера, Наталья двинулась к мужу. Ленинид в ужасе сполз под стол.

– Ах ты кобель! – взвизгнула Наташка. – Значит, к клиенту, говоришь, поехал? Думал, не узнаю, куда подевался? Рассчитывал у доченьки погулять? Где только откопал эту старую, сморщенную обезьяну, да у нее, смотри, зубов нет!

– Котеночек, – засюсюкал папенька из-под стола, – ты не права…

– Ах вот так! – прогремела супруга и со всего размаха треснула кулаком по столешнице.

Раздался сухой звук «крак», и посреди стола образовалась здоровенная дырища. На минуту все замолчали, потом Семен протянул:

– Ну ты даешь! Прямо морская пехота!

Воспользовавшись временной тишиной, Света попыталась проскользнуть в прихожую, но бдительная Лелька ухватила ее за юбку.

– Нет, постой, куда торопишься! Объясни лучше, зачем тебе Ленинид понадобился, он человек женатый!

– Отстань, – рванулась Света.

– Ишь, раскомандовалась, – толкнула ее Леля.

Светка оступилась и упала прямо в груду раздавленных креветок.

– Ага, – завопила довольная Наташка, хватая со стола бутылку с пивом, – ща узнаешь, каково мужиков из семьи уводить!

Она подняла пол-литровую емкость, а я, испугавшись, что «мачеха» сейчас раскроит несчастной Светке голову, бросилась вперед. Но Наташка не стала колошматить соперницу, она перевернула «Клинское» горлышком вниз и облила ее пахучим напитком. Света лягнула обидчицу.

– Ах вот ты какая! – взвизгнула Лелька и налетела на Свету.

Вмиг у нас на кухне образовался клубок из отчаянно вопящих, царапающих друг друга дам. В разные стороны разлетались креветки, которым катастрофически не повезло по жизни. Сначала их выловили, потом сварили, затем уронили на пол и вообще растоптали. Слишком много мучений для маленьких организмов.

Я растерянно глянула в сторону мужской части компании. Ленинид трясся под столом. Папенька трус, он ни за что не вылезет, пока буря не утихнет. Юрка, воспользовавшись тем, что Лелька отвлеклась от него, постыдно бежал с поля боя. Стул, на котором он только что сидел, распевая во все горло, оказался пуст. Один Семен, вытаращив глаза, наблюдал за происходящим, но он был заметно пьян, и помощи от него не жди. Значит, купировать ситуацию надо самой.

Я шагнула к мойке, и тут зазвонил телефон, но мне было не до того, чтобы интересоваться, кто это решил поболтать с нами в полночь. Визг, который издавали фурии, перешел в хрип. Я схватила огромную кастрюлю, в которой Томочка иногда варит холодец, и сунула ее под кран с холодной водой. Подождав, пока десятилитровая эмалированная бадейка наполнится до краев, я, с трудом подняв ее, опрокинула на шумно дерущихся баб.

Вмиг клубок распался.

– Совсем сдурела, да?! – заорала Наташка. – Холодно же!

Я оглядела поле сражения. Леля привалилась к плите. Из ее красивой прически было вырвано несколько прядей, по щеке змеилась царапина, белая, полупрозрачная кофточка разорвана, и в прореху высунулась розовая пышная грудь, совершенно не испорченная кормлением близнецов. Наташка выглядела не лучше. Она отчего-то стала ниже ростом. Присмотревшись, я сообразила, что

элегантные лодочки на ее ногах потеряли каблуки и превратились в некое подобие тапок. Юбка свисала лохмотьями, а под глазом наливался с невероятной скоростью синяк. Света, на первый взгляд, совсем целая, сидела на полу, уткнув голову в колени.

– Сдурела, да?! – кричала Наташка. – Охренела совсем.

– Это вы с ума посходили, – рявкнула я, – явились ночью сюда без приглашения!

– Эта прошмандовка, – попробовала было начать новый виток скандала Наташка, – вот эта… явилась с моим Ленинидом!

– Извини, не успела познакомить вас. Светлана, моя мать.

Наташка попятилась:

– Кто?

– Моя мать, первая жена твоего мужа. Ревновать к ней не стоит, они разбежались еще в 1965-м, – спокойно пояснила я.

– Это правда? – ошарашенно спросила Наталья.

– Да, – пискнул из-под стола Ленинид, – Вилка же никогда не брешет.

– Ага, – забормотала скандалистка, – ну тогда ясно, ладно, ошибочка вышла.

Потом она повернулась ко мне:

– Все ты, Вилка, виновата, отчего сразу не сказала?

– Так не успела. С чего вам вообще пришло в голову явиться сюда за полночь и устроить дебош?

Наташа плюхнулась на стул, Лелька рухнула на диван. Вновь зазвонил телефон.

– Трубку сыми, – велел из-под стола Ленинид.

Он понял, что сегодня его бить не будут, и слегка осмелел, но вылезти все еще боялся.

– Пусть звенит, – отмахнулась я.

Женщины, перебивая друг друга, начали рассказывать.

Сегодня Юрка заскочил домой в неурочный час и пошел в ванную. Лелька, привыкшая следить за мужем, приоткрыла тихонечко дверь в санузел и увидела в щелку, что супруг осторожно вытащил из-за бачка унитаза несколько купюр, пересчитал их и спрятал в карман. Безусловно, тот факт, что у Юрки имеется заначка, обозлил Лелю чрезвычайно, но она сдержалась и не устроила сразу скандал. Больше всего ревнивицу заинтересовало, с кем муженек собрался потратить припрятанные деньги. Юрка, не подозревавший о том, что за ним наблюдает жена, тщательно побрился, чем окончательно ввергнул Лелю в припадок ревности. Ясное дело, наодеколонился и двинул к бабе.

Кипя от возмущения, она решила поймать неверного мужика с поличным и, когда веселый, словно волнистый попугайчик, Юра пошел к метро, двинулась за ним следом.

У входа в подземку «Казанова» еще раз пересчитал наличность и нырнул в магазин игрушек. Лелька прямо взбесилась, когда увидела, что он покупает огромного плюшевого медведя. Все ясно. У любовницы имеется ребенок, и Юрка хочет ему понравиться. Затем он сел в такси, Лелька, наплевав на бережливость, тоже схватила машину. Представьте теперь ее удивление, когда Юрка нырнул в наш подъезд. Лелька не успела и глазом моргнуть, как на пороге возник Ленинид с пожарной машиной.

Чувствуя, что ярость сейчас выльется наружу, Леля влетела в телефонную будку и набрала наш номер. Ей ответил незнакомый женский голос.

– Позовите Виолу, – потребовала Леля.

– Ее нет.

– А Олега?

– Никого нет, все ушли.

Но тут из трубки донесся до боли знакомый голос муженька: «Эй, Ленинид, бросай креветки в воду!»

Все ушли, у Ленинида есть запасные ключи, и они с Юрасиком решили оттянуться по полной программе с креветками и девками. Глупее ничего и не придумать, но у Лели от ревности начисто отшибает ум. Она мигом набрала номер Наташки и сообщила той буквально следующее:

– Только что видела, как твой и мой муженьки вошли в квартиру Вилки с размалеванными девками и бутылками.

Ровно через десять минут Наташка, синяя от злобы, появилась около нашего дома. Дальнейшее вам известно.

– Дуры стоеросовые, – в сердцах сказала я, – мишка и машина были куплены для Никиты, новорожденного сына Тамары. Ну захотелось им мальчишник устроить с пивом, и что?

– Да, и что? – встрял Ленинид, высовывая голову из-под стола. – Ну не бабы, а атомная война, все разметали, переломали, разве так можно. И потом, Натусенька, ну подумай, куда мне по чужим бабам бегать? Пятьдесят восьмой год катит!

– Седина в бороду, а бес за причинное место, – буркнула Наташка.

У нее явно начиналась фаза раскаяния, впрочем, у Лельки тоже, потому что та сказала:

– Слышь, Вилка, мы тут все помоем.

– Естественно, – фыркнула я, – кто бардак развел, тому его и убирать. Можете начинать прямо сейчас. Сначала креветки выкиньте, очень воняют.

И тут опять зазвонил телефон. Кому это так не терпится посреди ночи? Я схватила трубку.

– Вилка, ты отдала дискету?

– Жора, извини!

– Не отдала?! – голосом, полным отчаяния, воскликнул сосед. – Как же так!

– А ты где?

– Не важно.

Я утащила аппарат в прихожую и дословно рассказала историю про телефонный звонок. Жора молчал.

– Жора, ты меня слышишь?

– Да.

– Ты хоть знаешь про Риту и квартиру?

– Нет, а что случилось?

Меньше всего мне хотелось быть вестницей несчастья, но делать нечего, пришлось рассказать об ограблении и о смерти Риты.

Жора никак не реагировал, только напряженно сопел. Меня удивило его молчание, мог бы и ужаснуться, услыхав о кончине супруги.

– Слышь, Вилка, – отмер наконец мужик, – вишь, дело какое… Дискета эта… В общем, помоги, сделай милость.

– Чем?

– Отнеси ее завтра.

– Куда?

– На то же место, только умоляю, на этот раз журнал не перепутай. Возьми новый «Космополитен».

– Он очень дорогой, я его никогда не покупаю.

– Я компенсирую тебе расходы, но будь аккуратна, не «Домашний очаг», а «Космополитен», ясно?

– Ладно, а сам не можешь?

– Нет.

– Почему?

– Потом объясню, не по телефону. В три часа встань у памятника Пушкину на Тверской, слева! Бога ради, будь аккуратна, не вздумай купить журнал «Домашний очаг», они очень похожи с «Космо». Хотя, знаешь, лучше так поступим. Ты что наденешь?

– Если такая же погода, как сегодня, то светло-розовые брюки и футболочку в тон, костюмчик такой, купила в «Глобал USA» на распродаже. Отличная вещичка, всего 400 рублей стоила, их, словно горячие пирожки, расхватали, не жарко, красиво…

– Значит, в розовом?

– Да.

– Хорошо, не забудь, в три, слева от памятника, вся в розовом и с журналом в руках. Да, чуть не забыл! Дискету вложи в конверт и помести между страницами. К тебе подойдет женщина по имени Лариса, ей отдашь «Космо» с дискетой внутри. Ты не перепутаешь?

– Я похожа на идиотку?

Жорка ничего не ответил и отсоединился.

Утром Семен, охая и держась за голову, всунулся ко мне в комнату.

– Где у нас анальгин?

– Пить надо меньше, – в сердцах ответила я и стала рыться в комоде.

– Кто бы мог подумать, что я от пива так окосею, кстати, ты сегодня едешь на работу? Могу захватить, если по известной бабской привычке не начнешь два часа собираться!

Я вздохнула. К сожалению, у меня нет высшего образования, жизнь так повернулась, что за плечами только школа. Правда, меня там отлично выучили немецкому языку, да и в аттестате стояли одни пятерки, но у нас с Тамарой, когда мы только-только поступили в институты, не осталось никого из родственников и пришлось идти работать, чтобы выжить. Долгие годы я провела с ведром и тряпкой, убирая грязь. Если бы уборщицам давали звания, то я точно бы уже стала заслуженной или народной. Потом Наташка попросила меня подтянуть по-немецкому языку ее сына Тёму, жуткого лентяя и балбеса. Я долго отнекивалась, но соседка добила меня аргументом. На мое робко сказанное: «Извини, но ведь я не профессиональный преподаватель, просто хорошо знаю язык в рамках общеобразовательной школы» – она ответила: «А у меня нет денег на нормального репетитора. Между прочим, детям из бедных семей тоже кто-то помогать должен! Что же им теперь, из-за отсутствия средств у родителей, дураками оставаться? Могу платить тебе сто рублей за час!»

Я поколебалась, согласилась и вмиг обросла учениками. Потом Тамарочка вышла замуж за Сеню, и тот предложил мне попробовать себя в журналистике. У Семена издательский бизнес, ему принадлежит парочка еженедельников и журналов. Один из них незатейливо называется «Криминальный рассказ», и вот в его штат он и взял меня на работу специальным корреспондентом.

Требуется от меня не так уж много. Раз в месяц написать и сдать статью на соответствующую тематику. Неожиданно новое занятие увлекло, к тому же у меня оказался так называемый «легкий слог». А если учесть, что я совершенно не боюсь хозяина и главного редактора, поскольку проживаю с ним в одной

квартире, то становится понятно: не всем так повезло со службой, как мне. Но на данном этапе у меня творческий кризис. Три недели назад я отдала материал о мошенничестве в сфере риелтерского бизнеса.

Я провела целое расследование, прикинувшись глупой клиенткой, и вывела кое-кого на чистую воду. Откровенно сказать, мне нравятся такие истории с переодеванием.

Криминальный очерк выйдет в июньском номере, сами понимаете, что материалы в «толстый» журнал сдаются загодя. Теперь пора бы подумать и об успешном выступлении в июльском выпуске, но… Но пока никак не могу определиться с темой. Прикинуться дамой легкого поведения? Да о проститутках не писал только ленивый. Изучить проблему детской преступности? Старо и избито. Следует быть оригинальной… Один раз Олег рассказал мне об уголовном деле, запутанном, хитроумном и даже красивом. Я воодушевленно накропала материал, он понравился и был отмечен на планерке.

– Вот, – удовлетворенно сообщил Сеня, потрясая журналом, – вот такие «бомбы» нам нужны, не общие рассуждения, а конкретика, на живом примере, со свежей фактурой. Так держать, Вилка, подбрось еще подобных сказочек для «Криминального рассказа»!!

Но сколько я ни умоляла Олега поделиться со мной интересными сведениями, муж только бурчал:

– Ничего нет, одна бытовуха. Сели, поели, попили, убили. Это неинтересно.

Поэтому сейчас я нахожусь в мучительных раздумьях: о чем же писать? А Семен недовольно ворчит:

– Ваньку валяешь? Думаешь, из дружеских чувств не стану наказывать за простой? Вот тут ты ошибаешься. Дружба дружбой, а служба службой. Ясненько? Живо ищи тему…

– Так как? – поторопил Сеня. – Едешь?

– Нет.

– Еще не определилась? Ну сколько можно баклуши бить? – обозлился приятель.

Чтобы он не начал делать мне выговор, я быстренько заявила:

– Как раз сегодня принимаюсь за работу, отправляюсь собирать материал.

– О чем?

– Знаешь, пока не скажу, очень оригинальная задумка.

– Ну-ну, – буркнул Сеня и ушел.

Я вытянулась на кровати. О чем писать? Как назло в голову ничего не лезет.

Без пятнадцати три я вышла из вагона на станции «Тверская» и остановилась в подземном переходе у газетного ларька. Глаза выхватили из общей массы знакомую обложку «Криминального рассказа». О чем же написать в следующем номере? Отогнав назойливую, словно злая осенняя муха, мысль, я попросила:

– Дайте мне «Космополитен».

Торговец протянул яркое глянцевое издание. Я разорвала прозрачный пакет, вытащила «Космо», сунула между страницами конвертик с дискетой и пошла наверх.

По подземному переходу текла яркая, по-летнему веселая толпа. Неожиданно на душе стало радостно. Нет, что бы ни говорили политики, а жить сейчас лучше, чем раньше. Никаких проблем с едой, одеждой, машинами, стройматериалами. Деньги можно заработать… Одним словом, я отчего-то впала в эйфорическое состояние, которое мигом улетучилось, потому что у ларька с цветами я увидела женщину, одетую точь-в-точь в такой же костюм, как у меня: розовые брючки с футболкой. В довершение у тетки на плече болталась белая сумка, а на ногах красовались босоножки того же цвета. Мы выглядели, словно «двое из ларца, одинаковы с лица». Вот оно, отрицательное качество распродаж в дешевых магазинах. Покупаете приглянувшуюся вещь, а потом встречаете на каждой второй такую же!

Настроение испортилось. Я повнимательней осмотрела толпу и впала в окончательное уныние. День сегодня жаркий, душный, а материал, из которого сшит костюмчик, замечательно легкий, прямо невесомый. Поэтому многие москвички и нацепили на себя обновку. Правда, одни натянули лишь брючки, дополнив их другой футболкой, другие, наоборот, надели «верх» с юбкой, целиком прикид попался только один раз, но все равно не слишком приятно…

Возле памятника я встала без пяти три. Жора просил занять место слева. Но лишь оказавшись у монумента, я задалась простым вопросом: а где у него лево? Если стоять лицом, то мне сюда, но ежели повернуться спиной, то в обратном направлении. В конце концов я решила ходить по кругу и через две минуты поняла, что начинается головокружение. Народа было не так много, жара стояла невыносимая. Чуть поодаль, под большим разноцветным зонтиком, устроилась торговка с холодильником. Я быстрым шагом пошла к ней. Куплю бутылочку минералки или мороженое. И тут на площади появилась тетка в розовом костюме, та самая, которая только что упоенно разглядывала витрины в подземном переходе. Но самое ужасное, что незнакомка держала в руке новый «Космо». Я чуть не лопнула от злости. Если встану сейчас у памятника, более идиотской картины и не придумать. Ну представьте себе: огромный бронзовый Пушкин, а по бокам две совершенно одинаковые бабы с журналами в руках. Цирк, да и только. Ладно, постою тут, в тенечке, под зонтиком. Прохожих не слишком много. Эта Лариса небось начнет оглядываться, искать глазами, тогда я и подойду к ней. Впрочем, может, «близняшка» сейчас покинет площадь? Кстати, она старше меня, толще и прическу носит какую-то идиотскую, с кудельками.

Я облизала эскимо, понимая, что сделала глупость. В такую жару от мороженого толку мало, лишь пить еще больше хочется. Я повернулась к торговке:

– Минералочки не найдется?

– Десять рублей, – равнодушно ответила она и открыла холодильник.

Сжимая запотевшую бутылочку, я повернулась и обрадовалась. К тетке в розовом подошел парень лет двадцати пяти, впрочем, может, и старше, я видела только спину мужчины, и парочка села на скамейку позади памятника. Можно было выходить из укрытия, но на площади возле монумента было пусто, раскаленное солнце жарило вовсю, и я, поколебавшись секунду, осталась под зонтиком, спросив у мороженщицы:

– Не помешаю?

– Стой тута, – благосклонно кивнула та, – на солнцепеке удар хватить может.

Время тянулось, словно свежая жвачка. В десять минут четвертого я решила купить еще воды, повернулась к холодильнику, потом снова заняла исходную позицию и увидела, что парень, разговаривавший с женщиной в розовом, быстрым шагом идет к подземному переходу, я вновь не видела его лица, только спину, а у него виднелся под мышкой «Космополитен». Странное чтение для молодого мужчины. Как правило, они предпочитают иные издания.

Не успела я подумать об этом, как в голове что-то щелкнуло. Мой взгляд уперся в «близняшку». Она сидела на лавке, странно скривившись на один бок, голова упала на грудь, руки безвольно свисали вдоль тела. Беленькая сумочка валяется на скамейке. Ни одной женщине не придет в голову так отшвырнуть от себя элегантный кожаный ридикюль стоимостью более чем сто долларов… Я почувствовала, как желудок начинает превращаться в ворочающегося ежа.

Тут к скамейке доплелась женщина, обвешанная пакетами. Она плюхнулась на лавку, вытерла потный лоб, глянула по сторонам и заорала, издавая звук, подобный тому, который испускает по утрам кофемолка.

Вмиг набежал народ. Откуда ни возьмись, появились люди в форме. На негнущихся ногах я дошла до места происшествия, протиснулась сквозь толпу и увидела, что в груди несчастной торчит рукоятка то ли ножа, то ли заточки. Крови не было совсем.

– Разойдемся, граждане, – прогремел командный голос, – чего столпились, мертвецов не видели? Включите телик и любуйтесь. Идите по своим делам, не скапливайтесь!

Я осторожно подергала говорившего за рукав. Милиционер повернул ко мне красное, потное лицо.

– В чем дело?

– Понимаете, на ее месте должна быть я.

– Вы знаете труп? – поинтересовался парень.

Может, предложить министру внутренних дел брать на работу сотрудников после сдачи теста по русскому языку? «Знаете ли вы труп?» Славно звучит фраза.

– Нет, первый раз вижу несчастную.

– Тогда чего хотите?

– Понимаете, – принялась я сумбурно объяснять суть, – у нас с ней одинаковые костюмы…

Мент слушал, не мигая, затем перебил меня:

– Мужчину знаете?

– Нет, конечно.

– Описать сумеете.

– Ну такой… Вроде брюнет.

– А может, блондин?

Я заколебалась.

– Он в бейсболке был, лица не видно, впрочем, волос тоже.

– Хорошо, спасибо, вы помогли следствию, до свидания.

– Как? – удивилась я. – Он хотел убить МЕНЯ.

– С чего вы взяли?

– Я же только что рассказала про одинаковые костюмы!

Милиционер обвел глазами не желавшую расходиться толпу и ткнул рукой влево:

– А может, он на нее покушался?

Я проследила взглядом за его корявым пальцем с не слишком чистым ногтем и увидела еще одну бабенку точь-в-точь в таком же розовом одеянии.

– Домой ступайте, – вздохнул представитель закона, – жарко очень, вот вам ерунда и мерещится. Этих костюмов полно, у меня жена тоже купила, польстилась на дешевизну, теперь не носит.

ГЛАВА 8

Еле шевеля ногами, я добралась до харчевни «Елки-палки», положила в миску овощи с кальмарами и села в дальний угол. Так, соберем воедино всю информацию. Я не видела, как парень подошел к убитой, зато заметила его в момент ухода. Зачем мужчине «Космополитен»? Он подобное читать не сможет. Объяснение могло быть только одно: бандит знал, что внутри лежит дискета. Значит, никакой Ларисы не было, навстречу прислали киллера, опытного и хладнокровного. Убить ножом женщину посреди бела дня, в достаточно людном месте… На такое не всякий способен. И что теперь делать?

Я порылась вилкой в тарелке, есть не хотелось совершенно. Как что? Искать негодяев, которым по неизвестной причине понадобилась дискета. Причем до такой степени, что они сначала избили Жору. Теперь-то я понимаю, что бомжи, скорей всего, были наняты. Они знали, что дискета у Жоры, и лупили его, чтобы ее заполучить. Но тут я выглянула в окно и заорала: «Сейчас милицию позову!»

Маргиналы испугались и убежали. Ну а заказчик продолжил поиски. Разгромил квартиру, убил Риту, теперь эту тетку.

Нет, я непременно должна найти его. Почему? Да просто из соображений личной безопасности. Жорка в ужасе прячется, боится, что его лишат жизни, но он каким-то образом поддерживает связь с негодяем. Договорился же вчера с ним, сообщил, что я приду в розовом. Сейчас киллер передаст журнал заказчику, тот, естественно, обнаружит, что никакой дискеты в нем нет, и насядет на Жору. Уж небось сосед не станет молчать, своя жизнь дороже, и мигом сообщит мой адрес, телефон, имя, фамилию, год рождения, семейное положение и вероисповедание. Значит, нужно быстро действовать самой!

Я вскочила, бросив на столике нетронутую еду, и понеслась к метро. Отлично, сначала разузнаю, в чем дело, разрою историю до конца, раскопаю все секреты и тайны, а потом напишу криминальный очерк. Следствие ведет репортер! Это будет та самая бомба, которую ждет от меня Семен, убойный материал, лучший в сезоне. Да меня назовут «золотым пером» редакции, может, представят на премию «Журналист года». Не хочет Олег помогать жене – не надо. Не желает рассказывать супруге об интересных, захватывающих делах, обойдемся своими силами. Мы сами с усами – и преступников вычислим, и в звезды журналистики пробьемся. Так-то!

В полном ажиотаже я вскочила в поезд и на следующей станции обнаружила, что двигаюсь не в ту сторону, перепутала пути. Пришлось пересаживаться. На этот раз в вагоне не оказалось пустого места. Я встала у двери и прислонилась головой к стеклу. Ну, посмотрим, кто кого! Всем нос утру, в особенности Семену, ишь, взял привычку обзываться «тухлой бездельницей».

Дома меня встретила радостным криком Крися:

– Вилка, смотри!

Она принялась размахивать симпатичной кофточкой с рукавом в три четверти.

– Здесь пуговки, а там бантик, – трещала девочка, – смотри, как сидит!

Вмиг она стянула футболку и влезла в обновку. Блузочка идеально облегала фигуру, у Светы был явный талант модельера и портнихи.

– А юбочка! – подпрыгивала Крися. – Ну как? Ни морщинки, ни складочки, с запа…хом! Писк моды, такие знаешь сколько стоят? Закачаться. А это из старья!

Да никому в голову не придет. Еще Света обещала из ненужной Олеговой дубленки курточку сварганить. Класс! Эх, жаль, она ботинки тачать не умеет!

– Ну это ты, пожалуй, слишком много хочешь, – улыбнулась я и пошла в кабинет Семена. Посмотрю-ка дискету до конца, вдруг там масса полезной информации.

Сегодня компьютер не стал капризничать и вывешивать всякие окна типа «Остались невыполненные задания на печать» или «Нет места на жестком диске». Экран вспыхнул ровным светом, я пощелкала мышкой. Так, что у нас… история болезни Левитиной, я ее уже видела, правда, до конца не досмотрела. Ну-ка, что дальше? Мелькали медицинские термины, совершенно непонятные, пошли результаты анализов, которые тоже ничего не объяснили. Похоже, это была самая обычная карточка, заведенная в больнице. Заканчивался документ сообщением о смерти больной. Левитина скончалась в пять утра, в январе этого года.

Я нажала на клавишу мышки и увидела новые строчки. Рассказов Сергей Мефодьевич, 1942 года рождения. Опять пошла медицинская информация. Я с трудом сообразила, что мужчина мучился от сердечной болячки. Ему даже сделали кардиоскопию, готовили к операции по шунтированию, но накануне вмешательства Сергей Мефодьевич неожиданно скончался, и было это в ноябре прошлого года.

Но это еще не все. Дискета хранила информацию о некой Рамазановой Екатерине Борисовне, совсем молодой девушке. Несчастной не исполнилось и двадцати пяти, когда с ней приключился инсульт. Виданное ли дело – заработать такую болячку в столь юном возрасте? Дело тоже завершилось плохо. Катя Рамазанова скончалась, не приходя в сознание, в специализированной клинике в марте, совсем недавно.

Я прочитала содержимое дискеты еще пару раз. Почему эти три истории болезни оказались вместе? На первый взгляд между ними нет ничего общего. Левитина мучилась щитовидкой, Рассказов имел больное сердце, бедняжка Рамазанова отправилась на тот свет вследствие инсульта. Естественно, лежали они в разных больницах, в разное время. Жили также далеко друг от друга. Левитина в Центре, а Рассказов в Люблино. Отчего эти истории болезни заинтересовали того, кто перекопировал их на дискету? По какому принципу он подбирал их? На первый взгляд все выглядит вполне обычно. Хотя…

Я включила принтер, подождала, пока аппарат закончит распечатку, потом спустилась на второй этаж и позвонила в пятую квартиру.

– Ты, что ли, Вилка? – зевая, спросила Анечка Корсакова, появляясь на пороге. – Что, опять у ваших мужиков давление зашкалило? Сейчас иду, только придется тебе на проспект за шприцами бежать, мои закончились.

– Слышь, Аня, – попросила я, – посмотри сюда.

Соседка взяла листочки.

– Это что?

– Прочти, пожалуйста, и скажи, нет ли в кончине этих людей чего-то странного.

– Проходи, – велела Аня и посторонилась.

Она провела меня на кухню и сказала:

– Пей компот, холодный, кисленький, первое дело в жару, лучше любой газировки.

Я послушно налила чашку, Аня уткнулась в бумаги, примерно через полчаса она подняла голову и спросила:

– Ну? Чего?

– Так как, все нормально?

– Во-первых, – вздохнула Аня, – я гинеколог, не слишком– то разбираюсь в сердечно-сосудистых и эндокринологии. А во-вторых, зачем тебе мое мнение?

Я отставила чашку, Анечка не соврала, компот на самом деле изумительно утолял жажду.

– Понимаешь, я работаю в журнале «Криминальный рассказ».

– Знаю, – перебила Аня, – читала его в метро, видела твои материалы, бойко пишешь, очень даже интересно, где только информацию берешь?

– От людей, – улыбнулась я. – Вот, видишь, притащили мне эти истории болезни и уверяют, что тут есть криминальная подоплека. На твой взгляд, это так?

Аня еще раз поворошила листы.

– Понимаешь, я узкий специалист. Вот когда ко мне Тамарка принялась бегать и рассказывать, что у нее живот странно сжимается, тут я была в материале, живо ей про тонус матки объяснила. А сердечно-сосудистые…

– Ну ты же училась в медицинском, – возмутилась я, – неужели все позабыла?

– Нет, конечно, на первый взгляд ничего странного. Вот, допустим, эта девочка, Рамазанова, с инсультом…

– Не рано ли в двадцать пять лет такое получить?

– К сожалению, инфаркт мозга случается и у детей.

– Как ты читала, – рассердилась я, – чем смотрела? У нее инсульт приключился, а ты про инфаркт.

– Инфаркт мозга и инсульт – это два названия одной вещи, – спокойно пояснила Аня. – У девушки парализовало дыхательный центр, ее долго держали на аппаратах, но потом все. Знаешь, в случае инсульта трудно делать прогнозы, это загадочная вещь. У Левитиной произошел тиреотоксический криз, а у Рассказова была просто очень тяжелая стенокардия. Нет, никаких подозрений у меня эти записи не вызывают. Лечили всех правильно, истории болезни оформлены аккуратно, анализы, осмотры, назначения… Нет, Вилка, ничего криминального. Хотя, подчеркиваю, хорошим специалистом я являюсь только в области гинекологии.

Я поблагодарила Аню и пошла к себе. Нет, тут что-то явно не так! Из-за этой дискеты убили Риту и неизвестную женщину, разгромили квартиру Радько и побили Жорку. Нет, есть в этих бумажках нечто этакое… Только что?

На следующий день мы забирали рано утром из родильного дома Тамарочку с Никитой. Подруга выглядела бледной, но держалась бодро. Мы с Семеном вручили ей огромный букет из пурпурных роз. Сеня взял сына, запеленутого в одеяло, и побрел к машине, шаркая ногами.

– Ты чего так странно идешь, пап? – поинтересовалась Крися, решившая ради такого торжественного случая, как получение из роддома брата, прогулять школу.

– Боюсь оступиться, – прошептал мужик, – еще упаду, не дай бог.

– А шепчешься почему?

– Так спит ведь.

Тамара улыбнулась.

– Он пока ничего не слышит и не видит.

– Да ну? – изумился муж. – Откуда ты знаешь?

– В книге прочитала, – ответила Томочка.

Дома мы положили младенца в кровать. Маленький кулечек совершенно потерялся на матрасе.

– Надо его развернуть, – сказала Тома.

– Зачем? – испугался Семен.

– Жарко очень.

– Нет, – влезла Кристина, – вот тут написано, смотрите, дети до месяца плохо держат температуру тела, она у них такая же, как в помещении.

– Так в этой комнате небось все тридцать, – сказала я, – доставайте несчастного ребенка из верблюжьего пледа, мальчик небось вскипел.

Очень острожно, еле дыша от напряжения, двумя пальцами Сеня развязал пышные голубые банты и раскрыл одеяльце. Показался младенец, облаченный в теплую распашонку, два чепчика и фланелевую пеленку. Не успела я испугаться его крохотного вида, как маленький беззубый ротик раскрылся и понесся довольно сердитый крик.

– Жарко ему, – с видом специалиста заявила Кристина, – вон какой красный.

Томочка сняла с ребенка шапочки. Но Никитка не успокоился, наоборот, он заорал еще громче. Тамара раскрыла пеленки.

– Мамочка, – прошептал Сеня, – какой крохотный, жуть берет.

– Он нормальный, – обиделась Томуся, – три кило шестьсот двадцать грамм, рост пятьдесят два сантиметра. Ты маленьких не видел. Знаешь, какие рождаются? Меньше двух кило.

Никита полежал пару минут молча, потом начал странно вздрагивать.

– Что с ним? – попятился счастливый отец. – Никак судороги!

Тамара побелела.

– По-моему, он замерз и икает, – быстро сказала я, видя, что подруга сейчас грохнется в обморок, – надо его одеть.

Томуся кое-как замотала сына во фланель. Ровно через секунду он опять заорал и стал похож на свеклу.

– Жарко, – закачала головой Кристина, – как бы не перегрелся.

Молодая мать покорно выпутала новорожденного из пеленок. Мальчик незамедлительно заикал, пришлось спешно его закутывать. Но, оказавшись в теплой фланельке, ребятенок заорал. Мы опять раздели бедолагу. Начался

приступ икоты.

– Господи, – заплакала Тамара, – что делать-то, а?

– Врача вызывать, – закричал Сеня, – немедленно! Ребенку плохо!

Тамарочка заплакала и бросилась вновь заворачивать бедолагу в одеяльце. Естественно, начался сердитый крик.

– По-моему, он есть просит, – сообщила Кристина.

Тамара перестала рыдать и глянула на часы.

– Ой, половина первого, их в роддоме в полдень приносили, я опоздала на полчаса!!! Что делать?

Я посмотрела на подругу. Тамара очень спокойный человек, она практически никогда не выходит из себя. Плачущей я видела ее всего пару раз в жизни, кричащей от негодования или злобы никогда. Она приветлива со всеми и в первую очередь думает о том, чтобы хорошо было другим, а не ей. И еще она никогда не впадает в уныние, не предается отчаянию или просто не демонстрирует этих чувств перед окружающими. Томочка очень хорошо воспитана и интеллигентна.

Но сейчас она билась в истерике.

– Что? Что делать?

– Успокойся, – сказала я, – где смесь, которую тебе вручили в роддоме? Надо просто развести ее и дать Никите, он поест и успокоится.

– Господи, конечно, – подскочила Тома. – Мне и в голову не пришло! Значит, так, пусть Сеня и Кристя остаются с Никитой, а мы с тобой побежим разводить еду.

Начался новый виток хлопот. Сначала Томуська наливала в бутылочку положенное количество жидкости. Заняла нехитрая процедура минут пять, никак не меньше. Подруге все никак не удавалось отмерить нужный объем

воды. Следом настал час молочной смеси. Желая добиться точности, молодая мать многократно проводила лезвием ножа по мерной ложечке, стряхивая излишек порошка, но руки у нее дрожали, «Фрисолом» вновь падал в банку. Наконец настал час встряхивания бутылочки.

– Не дай бог комочек попадется, – шептала Томуська, изо всей силы вертя емкость с соской.

Из спальни тем временем несся негодующий крик, нет, вопль. Затем подруга многократно проверила температуру еды. Бессчетное количество раз, капая себе на внутреннюю сторону запястья, она бормотала:

– Так горячо, – и совала бутылку под кран с холодной водой.

Понятное дело, что через минуту заменитель молока слишком остывал и его приходилось подогревать. На пятый раз я перехватила Тамарину руку.

– Хватит. Пока донесешь до комнаты, дойдет до нужной температуры.

Посуетившись вокруг Никиты пару минут, Тамара наконец утихомирилась и всунула ему в рот соску.

– Кушай, мой маленький.

Крохотный человечек замолк, все замерли в умилении.

– Первый обед дома, – пробормотал Сеня, – пойду за видеокамерой.

– Ты чего, пап? – возмутилась Крися. – Я же давным-давно снимаю! Как только Томуська его в кровать положила, так и начала!

И тут Никита заорал, но как! Я даже и предположить не могла, что существо, равное по весу банке с вареньем, способно издать подобные звуки.

– Котик мой, – перепугалась Тамара, – что случилось?

Мы начали проделывать кучу бесполезных, суетливых действий. Разворачивать, заворачивать, снова разворачивать ребенка, запихивать ему в рот бутылочки, вынимать, опять запихивать. Держали его «столбом», качали, клали в кроватку, трясли, вынимали… Толку никакого. Никита синел от вопля и сучил ножонками.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

См. книгу Дарьи Донцовой «Черт из табакерки», вышедшую в издательстве «Эксмо».

Купить: https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/urozhay-yadovityh-yagodok

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить